Cornell University Library
HV 8084.S551915a
Two evil isms; Pinkertonism and anarchism
3 1924 002 532 475

TWO EVIL ISMS

HV
8084
S55
1915a

By

CHAS. A. SIRINGO,

a COWBOY DETECTIVE who knows, as he spent twenty-two years in the inner circle of PINKERTON'S NATIONAL DETECTIVE AGENCY

INTRODUCTION BY CHARLES D. PEAVY

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Первое издание: Charles A. Siringo. Two Evil Isms: Pinkertonism and Anarchism. 1915.

Техасец Чарльз Анджело Сиринго (1855 – 1928) пятнадцать лет был ковбоем, больше двадцати лет прослужил в Национальном детективном агентстве Пинкертона и был знаком с такими легендами фронтира, как Билли Кид, Пэт Гэррет, Уайет Эрп и Том Хорн. Книга «Два злобных изма» (1915) посвящена годам работы автора в агентстве Пинкертона. В ней рассказывается о подавлении рабочих забастовок и мошенничестве на выборах, о разоблачении грабителей и убийц. Оригинальный текст перешёл в общественное достояние. Здесь представлен первый перевод на русский язык.

https://sites.google.com/site/dzatochnik/

- Чарльз Анджело Сиринго
-
- Предисловие
- Глава I. Дело о великом анархистском бунте в Чикаго
- Глава II. Анархистское восстание в округе Арчулета (Колорадо)
- Глава III. В Вайоминге в роли ковбоя-преступника
- Глава IV. На ковбойской операции. Мошенничество на выборах
- Глава V. В роли объездчика лошадей. Дело о большом взрыве
- Глава VI. Я присоединяюсь к Белым колпакам Нью-Мексико. Дело убийцы Тэскота
- Глава VII. Кровавое восстание в Кёр-д’Алене в 1892 году
- Глава VIII. В тюрьме с убийцей. Казнь Тома Хорна
- Глава IX. Выслеживая преступников в Аризоне. Мы находим похищенное золото на Аляске
- Глава X. В роли преступника. В погоне по Мексике за королевским сыном. Поиски засольщика шахты в Британской Колумбии
- Глава XI. Два дела о засолке шахт. Дело о краже слитков
- Глава XII. Работа в Дикой банде в роли преступника
- Глава XIII. Дело в Аризоне. В Кентукки среди самогонщиков
- Глава XIV. Ковбойская операция в Орегоне. Работа против сенатора Смута
- Глава XV. Великий процесс Хейвуда в Бойсе (Айдахо)
- Глава XVI. Мои двадцать два года в ближнем кругу

Национального детективного агентства Пинкертона заканчиваются

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Чарльз Анджело Сиринго
Два злобных изма: пинкертонизм и анархизм

Ковбой, который знает, вспоминает о том, как он провёл двадцать два года в ближнем кругу Национального детективного агентства Пинкертона

Предисловие

Используя слово «пинкертонизм», я не осуждаю всех людей и все организации, которые носят это имя.

Хотя я никогда не имел дела с детективным агентством «Пинкертон и компания» с главной конторой в Бойс-Билдинг в Чикаго, я знаю, что Мэтт У. Пинкертон, глава этого агентства, – человек безукоризненно честный, высоконравственный и трезвомыслящий.

Если бы он не был честен, Национальное детективное агентство Пинкертона давно свалило бы его, поскольку оно уже тридцать лет борется с ним в самой настойчивой и коварной манере.

Необоснованные атаки, проводимые на него Национальным детективным агентством Пинкертона, не имели никакого воздействия на его дело, которое продолжает расти. Главная контора детективного агентства «Пинкертон и Ко» занимает весь седьмой этаж Бойс-Билдинг, и в нём трудится большое количество занятых стенографисток и штаб опытных управляющих и оперативников.

Мэтт У. Пинкертон не связан ни кровно, ни узами брака с Пинкертонами, стоящими во главе Национального детективного агентства Пинкертона. Методы, которые угрожают репутации и безопасности личности и общественному благу, когда в бешеной погоне за деньгами игнорируются законы и мораль, не являются частью системы детективного агентства «Пинкертон и Ко».

Лектор, писатель и опытный эксперт в своей профессиональной области, Мэтт У. Пинкертон заслужил себе имя и престиж, которые известны криминологам и читающей публике всего цивилизованного мира.

Я считаю своим долгом объясниться перед публикой и отделить методы шантажа, подкупа и запугивания от разумной и полезной службы, которая является надёжной защитой частному клиенту и обществу в целом.

Автор.

Глава I. Дело о великом анархистском бунте в Чикаго

Автор родился и вырос посреди длиннорогого скота и диких мустангов в округе Матагорда в юго-западной части Техаса. Он начал работать ковбоем в 1867 году, когда ему было всего одиннадцать лет.

За семнадцать лет я совершил несколько путешествий с длиннорогими бычками в Канзас по великой тропе Чизхолма.

Мои глаза были открыты для нового мира; я хотел увидеть больше в этом новом мире и узнать всю подноготную тех людей, которые в нём живут. Такая возможность появилась весной 1886 года, когда я оказался в Чикаго, где я занимался только тем, что изучал орды людей со всех стран.

2 мая произошёл бунт на фабрике Маккормика; несколько рабочих были убиты и ранены. Это вызвало в городе большие волнения, и рабочие созвали на 4 мая массовый митинг на Хеймаркет-сквер, чтобы выразить протест. Боясь бунта, мэр Гаррисон собрал в полицейском участке Десплейнс триста полицейских под командованием Бонфилда.

Когда шёл митинг, и ораторы произносили свои речи с пустой повозки, стоявшей на площади, мэр Картер Г. Гаррисон протолкался к повозке, откуда мог слышать всё, что говорили. Никто его не узнал, пока последний оратор не закончил свою речь, посоветовав людям мирно расходиться по домам. Тогда мэр Гаррисон раскурил сигарету от спички, и Альберт Парсонс, стоявший на повозке, узнал его и дружелюбно к нему обратился. Мэр направился домой, зайдя в полицейский участок, где, как говорят, рассказал Бонфилду, что митинг скоро закончится и что нет опасности бунта, следовательно, он может распустить свой полицейский отряд.

После того, как мэр удалился, Бонфилд со своим отрядом пошёл к повозке и приказал толпе разойтись; как только он отдал приказ, из глубины переулка в гущу полицейских полетела бомба; в результате семеро были убиты и шестеро ранены. Когда следующим утром я смотрел, как раненых офицеров несут в больницу, то кровь застыла у меня в жилах, и я захотел помочь в истреблении этого анархистского проклятья.

Я решил, что правильнее всего будет присоединиться к образцовой (по моему невежественному мнению) организации – Национальному детективному агентству Пинкертона. Но я не представлял, что поступаю в школу, где создаются анархисты, в

этот позор просвещённого века.

Уильям А. Пинкертон, глава этого большого, хорошо организованного агентства, нанял меня как тайного детектива. Моей первой работой было дело о бунте на Хеймаркет, когда я получил возможность близко изучить анархистов.

Помещение детективов было в большой комнате, отделённой от главной конторы тайными входами и выходами. Временами в комнате находилось множество детективов или оперативников (как называли тайных агентов) всех возрастов, цветов и национальностей. Представлена была даже Африка в виде негра, известного как Чёрный Джим.

В этой комнате у меня была возможность изучить человеческую природу. Здесь было много хороших, совестливых людей, а другие были лишены моральных принципов, и, говоря с ними, я понял, что каждая группа выполняет различную работу.

От ложных отчётов об анархистах, как говорили мне сами авторы, у приличного человека закипела бы кровь. Для иллюстрации расскажу об одном деле. Однажды воскресным утром два Дока, один из них бывший заключённый, были отправлены на набережную озера, чтобы сообщить об анархистских разговорах. Парк на набережной (сейчас Парк Гранта) был наполнен людьми, но никаких беспорядков не было. В полдень два Дока следили за известным лидером анархистов, Альбертом Парсонсом, впоследствии повешенным, который сидел на скамье и читал газету. Усевшись рядом, два Дока начали восхвалять анархию и ругать капиталистов. Парсонс прекратил чтение и присоединился к разговору, но его слова были умеренными, и его не могли заставить произнести угрозы.

На следующее утро два Дока, как рассказывал мне Док Уильямс, отправили леденящий кровь отчёт о том, что анархисты, по словам Альберта Парсонса, собираются сделать с обществом и обеспеченным классом. Я спросил Уильямса, зачем они хотели затолкать своего собрата дальше в болото, вложив ему в уста фальшивку.

Он объяснил, что такие яркие отчёты подходят агентству, радуют клиентов тем, что работа делается хорошо, а также оправдывают превышенные расходы детективов за выпивку и прочее.

Уроки несправедливости, полученные мною за первый месяц в большом агентстве, чуть не заставили меня бросить работу из-за отвращения. Но я сказал себе, что коррупция – это язва государства, которую никто не может излечить. Поэтому я могу остаться и стать более образованным благодаря свободной Америке, где все мужчины и женщины считаются королями и

королевами, а все дети – королевичами и королевнами.

Мне могут задать вопрос, почему я с самого начала не ушёл с работы и не разоблачил это бесчестное агентство. Перед кем разоблачить? – спрашиваю я. Уж конечно, не перед представителями закона. В своей ковбойской простоте тогда я бы мог так поступить. Но сейчас, имея за плечами двадцать два года, я понимаю, что бы из этого вышло. Я бы провёл много ночей в кутузке, несколько раз подвергся бы допросу третьей степени и подписал бы признание в шантаже этой прославленной организации.

До бунта в Гомстеде и до того, как над страной пронеслась волна морали, Национальное детективное агентство Пинкертона стояло выше закона. Одно слово У. А. Пинкертона или его помощников могло отправить любого простого человека в кутузку или даже в тюрьму. Это не шутка, поскольку я слышал о множестве невинных людей, попавших в тюрьму, и моя информация исходит из ближнего круга.

Человек без денег и влияния, пытающийся разоблачить подлую работу Национального детективного агентства Пинкертона, сравним с двухлетним мальчиком, который пытается передуть ураган. Тем не менее, быстро приближается день, когда американский народ всё поймёт и положит конец этой развращённой организации. Да ускорят небеса приход этого дня! Вот моя молитва.

После того, как в северном крыле суда начался процесс по делу о бунте анархистов на Хеймаркет, меня послали наблюдать за присяжными. Я должен был смотреть, чтобы сторона защиты не подкупила присяжных. Управляющий Дэвид Робинсон приказал мне не обращать внимания на сторону обвинения, которая уже «договорилась» с присяжными. Я наблюдал за присяжными всё время процесса – и когда они ели, и когда сидели в зале. Я слышал все показания и, зная, что говорили о свидетелях оперативники, которые работали над этим делом, я уверен, что показания были ложными.

С самого начала Спис, Энгел, Шваб, Линг, Филдинг, Фишер и Небе сидели на скамье подсудимых. После того, как начался процесс, Альберт Парсонс, который до этого скрывался, вошёл в зал суда и занял место рядом с другими обвиняемыми, надеясь на справедливый суд. Он не представлял, что суёт голову в петлю, свитую Национальным детективным агентством Пинкертона.

Процесс продолжался месяц, и присяжные вынесли вердикт «виновны» за убийство Дигана – одного из восьми полицейских, погибших при взрыве бомбы.

Утверждают, что бомбу из тёмного переулка бросил

известный анархист по имени Шнаубельт, и все обвиняемые до бунта пили с ним пиво или общались.

Вскоре после бунта Шнаубельта арестовали и бросили в тюрьму. Что с ним стало, я не знаю. Говорят, что его освободили из-за недостатка доказательств, и он улизнул в Германию.

Оперативник Пинкертона, который работал над делом анархистов (я три года общался с ним в Денвере, когда он был членом Ордена железнодорожных проводников, выясняя его тайны для агентства Пинкертона), рассказал мне, что Шнаубельта убили при допросе третьей степени, а тело спрятали. Он сказал, что слышал это от знающих людей. Парсонса, Энгела, Фишера и Списа повесили. Линг взорвал себе голову бомбой за день до казни. Шваб и Филдинг получили пожизненное заключение, а Небе – семнадцать лет за решёткой.

Единственным доказательством против Небе было то, что отправил в печать так называемую «листовку мести», которая была выпущена немецкой газетой и призывала собраться на Хеймаркет-сквер и отомстить за убийство их братьев на фабрике Маккормика. Я не уверен, что он отправлял её в печать или распространял эту листовку, но я знаю, что его признали виновным за то, что он купил десятицентовый стакан пива для Шнаубельта.

Так закончился этот великий и единственный в своём роде суд над анархистами с Хеймаркет. Нет сомнений, что кто-то из них заслуживал казни, но, хоть убейте, я не вижу, как при таких доказательствах приговор может быть справедливым.

По-моему, это дело можно описать словами «не подмажешь – не поедешь», а подмазали Национальное детективное агентство Пинкертона. И, без сомнений, они украсили своё грязное гнездо изрядной кучей денег, говорят, одним миллионом долларов, который получили от Лиги чикагских граждан за «истребление анархии».

Глава II. Анархистское восстание в округе Арчулета (Колорадо)

После дела об анархистах я работал на одну европейскую страну против некоей ирландской организации. Эта работа занесла меня в Цинциннати (Огайо), и я получил новый урок обмана, но, поскольку я от него выиграл, я не брыкался. Я заплатил за отель и выпивку обычную цену, но когда вернулся в Чикаго, помощник управляющего Макгин заставил меня указать более высокие расходы. Он сказал, что клиент богатый, и в обычае агентства разрешать своим оперативникам обсчитывать клиентов, чтобы получить лишние деньги к своему еженедельному жалованью в агентстве. Я сказал, что это неправильно. Он ответил, что я теперь в деле и должен так поступать, поскольку будет нечестно, если другим оперативникам, работающим со мной, придётся указывать более низкие расходы. Я написал новый счёт и в два раза превысил цену на отель и выпивку. Конечно, эти дополнительные зелёные легли в мой карман.

Мне стало понятным, что имел в виду Уильям А. Пинкертон, когда говорил мне, что моё еженедельное жалованье – только начало и что оно будет поднято, как только моя работа себя оправдает, хотя в этом деле есть не только жалованье. Я подумал, что лучше не спрашивать его, что он имеет в виду. Во время службы в агентстве моё жалованье несколько раз поднималось, но обсчитывание клиентов приносило мне денег больше, чем жалованье.

Так большое агентство с самого начала учит своих оперативников воровать, чтобы заставить клиентов платить часть жалованья; обычно клиент платил восемь долларов в день и оплачивал все расходы, даже на прачечную.

Осенью мистер Пинкертон перевёл меня в новую контору в Денвере (Колорадо), которая была только что учреждена, поскольку они надеялись на работу со скотоводами, и им нужен был ковбой-детектив.

Управляющий денверской конторы Имс много лет был помощником управляющего в Чикаго, и большое агентство ему доверяло.

После приезда в Денвер я поселился в доме управляющего Имса и его семьи и тут получил много новых уроков о преступных делишках агентства. Был один особенный случай, когда богатый восточный банкир сбежал в Канаду. Это тот банкир, который

сейчас блистает в высшем свете Денвера и владеет здесь ведущим банком.

После того, как этот человек сбежал с деньгами банка, он предусмотрительно нанял агентство Пинкертона, чтобы его не смогли похитить и вернуть в США для расплаты за преступление. Наконец полицейские придумали план, как похитить банкира, и они перевезли его в коляске через границу в США. Тут вмешался управляющий Имс со своими людьми, силой отнял банкира и вернул его в Канаду. Личности сыщиков Пинкертона так и не были раскрыты, и в агентстве не было сделано никаких записей, поскольку это выставляло бы его как беззаконную организацию. А ведь агентство никогда открыто не одобряло действия, которые «препятствуют правосудию»!

Управляющий Имс взял своих оперативников из чикагской группы, и я был единственным, которого он не выбирал. Общаясь с этими детективами, я скоро выяснил, что Имс выбрал себе настоящих бандюганов. Заводилами этой группы были Док Уильямс и Пэт Барри, последний затем несколько лет был шефом полиции в Портленде (Орегон).

Этот Док Уильямс был одним из двух Доков, которые написали ложный отчёт о чикагских анархистах. Некогда он был известен как взломщик сейфов и сидел в тюрьме на Востоке за взлом сейфов и грабёж. Он с удовольствием рассказывал, как мистер У. А. Пинкертон добился его помилования, чтобы сделать его детективом в своём агентстве.

Док Уильямс и Пэт Барри хранили свои чемоданы, набитые украденными драгоценностями, одеждой и т. п., в комнате оперативников. Они грабили коммерсантов, когда работали на них.

Позднее один из любимчиков управляющего Имса, мистер Спрингфилд получил пять лет тюрьмы за преступления, которые он совершил в Техасе, когда работал на агентство. И всё же агентство хвасталось, что с того времени, как была создана организация, ни один из его людей не был приговорён за преступление.

Эти люди с гордостью рассказывали о кражах и других преступлениях, совершённых в Чикаго при работе на агентство. То, что они работали на эту якобы законную организацию, давало им такие возможности, которые иначе они бы не получили.

Первую зиму в Денвере я провёл на так называемой городской работе. Я занимался всем – от слежки за миллионерами, которые не имели такой предусмотрительности, чтобы стать клиентами большого агентства, до разрушения счастливых семей; но второй тип работы, в основном, доставался

таким людям, как Док Уильямс и Пэт Барри, у которых не было совести. Конечно, сотрудники агентства заявят, что их правила запрещают заниматься делами о разводе или как-то иначе вмешиваться в брачные отношения. Но это просто чушь. Было бы ближе к истине, если бы они упоминали в рекламе, что агентство не ведёт записей, о которых узнала бы публика, а также мудро подбирает клиентов.

Ранней весной меня отправили на первую ковбойскую операцию. Газеты назвали это восстанием анархистов, но, на самом деле, это была анархия против анархии со школой анархии, моим агентством, в качестве третьего участника.

В округе Арчулета (Колорадо) произошло восстание, и все чиновники бежали в Нью-Мексико, за исключением секретаря округа и шерифа, которые присоединились к повстанцам. Несколько домов были уничтожены пожарами, сгорел дом и конюшня одного из окружных комиссаров, мистера Скаса, а окружной судья и пять комиссаров не возвращались в округ, боясь за свои жизни.

Я купил лошадь и седло в Дуранго, юго-западном углу Колорадо, и поскакал в Пагоса-Спрингс – столицу округа Арчулета. Здесь я выдал себя за дикого, грубого ковбоя-преступника из Техаса.

В округе было только семьдесят пять повстанцев, и когда сбежавшие чиновники вернулись из Нью-Мексико во главе шестидесяти хорошо вооружённых мексиканцев, все повстанцы собрались в Пагоса-Спрингс и говорили о том, как закончить войну.

Мы, повстанцы, встретили окружных чиновников у моста через быструю реку Сан-Хуан и заставили их отряд остановиться. Они разбили лагерь на другом берегу реки.

Рассказ о том, как я предотвратил убийство чиновников в три часа ночи, а затем через три дня, как меня хотели повесить, как я впоследствии получил четыре доллара за сражение с повстанцами, займёт слишком много места.

Кровь не была пролита, и через два месяца я предстал перед присяжными в Дуранго, когда шестнадцати лидерам восстания были предъявлены обвинения.

Затем я отправился в Мексику, чтобы выследить грабителя поезда, который украл 10 000 долларов в Ла-Хунте (Колорадо). Я нашёл моего человека в Мехико и посадил его в тюрьму в Ливенворте (Канзас).

Я провёл в Мехико один месяц и расплатился за это удовольствие угрызениями совести из-за того, что принадлежал к такой бессердечной и беззаконной организации.

Глава III. В Вайоминге в роли ковбоя-преступника

Вскоре после завершения работы, которая привела меня в Мексику, меня отправили в Вайоминг, чтобы сыграть роль техасского ковбоя-преступника.

На конечной станции Шайеннской железной дороги я купил лошадь и седло и поскакал на север к реке Ларами. После некоторых трудностей я оказался в лагере ковбоев-преступников со сломанной ногой.

В первую же ночь меня хотели повесить, подозревая, что я детектив. Как мне сказали позже, на меня хотели набросить петлю, а потом ослабить её, чтобы я признался, что я детектив. Но вожак и один из членов банды возразили, что неправильно обращаться так жестоко с человеком, у которого сломана нога; что если я детектив, то как-нибудь выдам себя, и тогда меня можно будет повесить без всяких церемоний. Поэтому мне позволили спать в ту ночь.

В банде было четырнадцать человек, некоторые сбежали из техасской тюрьмы. Их лагерь находился далеко от дорог, в сорока милях от ближайшего почтового отделения в форте Ларами.

Утром мне сделали два костыля, и скоро я стал членом банды.

Поскольку предмет этой книги состоит в том, чтобы показать то зло, которое существует в нашей свободной, любимой Америке, я воздержусь от подробностей моей работы.

Я был с бандой два месяца, и две недели проходил на костылях, когда шериф с крупным отрядом из Шайенна, столицы штата напал на лагерь и посадил всех в шайеннскую тюрьму.

Это дело известно как дело Маккоя. Маккой, он же Билл Гатлин, техасский ковбой, был приговорён к повешению за убийство помощника шерифа Ганна в Ласке (Вайоминг). За день до казни вся банда под руководством Тома Холла, убийцы из Техаса, сбежала из шайеннской тюрьмы.

После того, как я дал показания перед присяжными, я скрылся из виду и вышел из игры.

Остаток зимы я провёл в Денвере и получил новые уроки обмана и бесчестия.

Управляющий Имс работал над делами для большого агентства, и мы, оперативники, были заняты на городской работе. Время от времени из Чикаго приезжали другие оперативники. Один из них, как он сам говорил мне, был убийцей, которого

вырвали из лап закона и спрятали в Денвере. Как говорили, убийство было совершено в интересах агентства, во время получения платы, и защита этого человека была простой справедливостью.

Я был на хорошем счету у управляющего Имса, пока в один несчастливый день мной не завладели совесть и мужество.

Одного богатого коммерсанта поймали на том, что он разрушает счастливую семью. Дело попало в руки большого агентства, которое хотело предотвратить скандал в высшем свете. Управляющий Имс и один из его любимых оперативников, Т. занялись разъярённым мужем, мистером Уильямсом, но тот мог успокоить своё разбитое сердце только оглаской и судом. Денег, которые ему предлагали, было недостаточно. Нужно было что-то делать, или благородное имя будет втоптано в грязь.

Управляющий Имс и оперативник Т. раскинули мозгами и решили принять строгие меры. За мистером Уильямсом уже следили и знали обо всех его передвижениях после наступления темноты. В глубине тёмного переулка, по которому он обычно ходил, оперативник Т., сильный молодой атлет, который теперь работает в полиции в одном восточном городе, должен был выпрыгнет с железной трубой и ударит подлого негодяя. Затем он вывернет его карманы, чтобы создать впечатление ограбления.

Было условлено, что я буду помогать оперативнику Т., оставаясь в тени, готовый, если необходимо, придти к нему на помощь, а потом быть свидетелем, если всё закончится судом. Оперативник Т. будет в маске. Я занимался другой работой, из-за неё не возвращался в агентство после закрытия, после шести вечера, и со мной не посоветовались. Вернувшись в семь часов, я увидел, что меня ждёт оперативник Т. Он объяснил, какую работу поручил мне управляющий Имс. Тут я взбунтовался и сказал оперативнику Т., что это неправильно, поскольку Уильямс не совершал ничего дурного, и, кроме того, удар трубой по голове может привести к смерти. Он ответил, что это всё равно, поскольку никто из чужих не узнает, кто это сделал, и что агентство хорошо заплатит. Я решительно отказался участвовать в этом злодеянии. Тогда оперативник Т. намекнул, что попросит помощи другого оперативника, который скоро вернётся. Я предупредил его, что если Уильямса ударят, я раскрою тайну и, если необходимо, изложу на суде всё, что он мне только что говорил. Он старался переубедить меня, говоря, что управляющий Имс уволит меня. Но я стоял на своём. Это остановило убийство невинного человека могущественной, выродившейся, обезумевшей от денег организацией. Это также остановило меня от соучастия в убийстве в будущем. Следующие двадцать лет я

буквально находился в чёрном списке.

Из-за страха, что я раскрою тайну, убийство Уильямса отменили. Было решено, что побои могут его напугать, и он не пойдёт в суд.

Для побоев агентство наняло громилу. Для помощи ему управляющий Имс назначил одного оперативника, который теперь занимает важную должность в Денвере. Он должен был смотреть, чтобы громила не потерпел поражение в драке.

Поздно вечером громила напал в переулке на ничего не подозревающую жертву.

Уильямс сам был бойцом и задал громиле немилосердную взбучку. Оперативник перешёл улицу и посмотрел на свалку, поскольку не одобрял эту работу. Он говорил мне об этом после случившегося, а несколько месяцев назад мы разговаривали в Санта-Фе (Нью-Мексико).

Поскольку Уильямс не пошёл в суд, он, очевидно, понял, что означала эта попытка его избить, и подозревал, что из этого выйдет.

Вскоре после этого я заслужил ненависть управляющего Имса и оперативников Пэта Барри и Дока Уильямса; как только мистер У. А. Пинкертон связался бы с ними, меня бы с позором уволили. Но потом через Джека Фрейзера, который теперь возглавляет западное отделение большого агентства со штаб-квартирой в Сан-Франциско, я узнал, что меня считали слишком хорошим ковбоем-детективом и поэтому не уволили за неподчинение.

Буря, которая вызвала моё падение, случилась в кабинете управляющего Имса. Оперативники Док Уильямс и Пэт Барри арестовали на улице невиновного человека, и он предстал перед его величеством управляющим Имсом, чтобы признаться в ограблении, которого не совершал.

Я был в комнате оперативников, когда услышал шум, говоривший о допросе третьей степени. Кабинет управляющего отделялся от комнаты оперативников матовой стеклянной дверью. В матовом стекле был проделан глазок, чтобы мы могли исподтишка видеть, что происходит в этом святилище закона и порядка. Через глазок я увидел, что Пэт Барри выбивает признание из невиновного человека, и каждый раз, когда огромный ирландский кулак Пэта Барри опускается на лицо бедняги, брызжет кровь. Я достал из стола свой старый ковбойский кольт 45-го калибра и ринулся в бой. Направив револьвер в лицо Пэта Барри, я заставил его отступить. Затем я рассказал управляющему Имсу, что своими глазами видел, как Пэт Барри и Док Уильямс совершили ограбление, которое пытаются повесить на несчастного мистера Джоя. Мистеру Джою

разрешили уйти, а после его ухода управляющий Имс сказал, что меня уволят за вмешательства в дела, которые меня не касаются.

Через несколько дней я встретил этого человека. У него была больная жена и новорождённый младенец, и он не знал, как выразить мне свою благодарность.

Док Уильямс и Пэт Барри поклялись разобраться со мной, и следующие несколько месяцев, когда они находились в комнате оперативников, я не выпускал из рук свой старый кольт, своего лучшего друга в те времена. Один раз Пэт Барри, будущий шеф полиции города Портленд (Орегон) достал револьвер, но я выбил его.

Кто-то может удивиться, что я не разоблачил агентство и его методы. Меня бы подняли на смех. Сама мысль о том, что одиночка выдвинет такое обвинение в денверском суде, – из разряда нелепостей. Только один раз оно могло закончиться успешно, во времена правления губернатора Уэйта по прозвищу Кровавые Удила.

Как можно сомневаться в чистоте этого чудовищного агентства, когда существует большая фотография, на которой Аллан Пинкертон стоит рядом с нашим любимым президентом Эйбом Линкольном на поле кровавой битвы? Эти фотографии висят на видном месте во всех конторах агентства как символ чистоты.

Одно из беззаконных действий Национального детективного агентства Пинкертона, в котором я принял участие, случилось в 1887 году.

Мы, четверо сыщиков, вооружённые до зубов, тёмной ночью, разбив окна, захватили огромную шахту Бассик в округе Кастер (Колорадо).

Мы целый месяц удерживали собственность на глазах стража закона, бывшего шерифа Шофилда и трёхсот разъярённых шахтёров, которые пытались прогнать нас. В конце концов, дело попало в суд.

Вот что писала на эту тему газета «Геральд-Демократ» из Лидвилла (Колорадо):

«С судьёй Халлеттом не шутят

Вооружённые люди, которые недавно захватили шахту Бассик, смогут узнать, что Колорадо сегодня – это не Колорадо двадцать лет назад и что в наши времена споры решаются в суде, а не силой оружия. Если это дело когда-нибудь попадёт к судье Халлетту, то он шутить не станет. Настойчивые жители Лидвилла и Аспена давно поняли, что судебное решение имеет больше силы, чем пятьдесят убийц, вооружённых ружьями Винчестера».

Газета «Роки Маунтин Ньюс» из Денвера поместила такой

отчёт:

«Беззаконие в Сильвер-Клифф

Сильвер-Клифф, 21 июня 1887 года.

Прошлым вечером, около 6 часов жители города были потрясены новостью о том, что шахта Бассик захвачена вооружённым отрядом чужаков. До утра ничего не было ясно, затем выяснилось, что четыре человека, вооружённых винчестерами, прошли к шахте, взломали дверь и захватили шахту. У этих незнакомцев достаточно патронов и продовольствия для долгой осады. Установлено, что они действуют по приказу президента Бассикской горной компании Брауна».

Глава IV. На ковбойской операции. Мошенничество на выборах

Наконец меня отправили на другую ковбойскую операцию, на этот раз на Уайт-Ривер в западной части Колорадо. Я должен был выяснить, не обворовывает ли нашу клиентку, богатую леди из Денвера, её партнёр по скотоводческому делу.

Верхом на бронко[1], одетый как странствующий ковбой, я оказался на ранчо возле города Микера. Я хорошо управлялся с лассо и скоро подружился с начальником и его ковбоями.

За это время я собрал доказательства, что нашу клиентку обворовывают.

Затем я направился в верховья Уайт-Ривер, в места обитания тысяч лосей и оленей, чтобы расследовать войну с индейцами юта для чиновника правительства США. От работников ранчо и трапперов, которые живут возле поля битвы, где шериф и его отряд убили индейцев, я узнал, что индейцы были не виноваты, и кровожадные белые вынудили их сражаться.

Затем я доехал до железной дороги, до Гленвуд-Спринг, что в сотне миль к югу, и сел на поезд в Денвер. Я прибыл вовремя, чтобы под именем Тупой Нож принять участие в большом ковбойском турнире в парке Риверсайд. Тупой Нож выиграл в скачке на диких лошадях и в зааркanивании бычков и получил в прессе бесплатную рекламу. Но никто не узнал, кто он такой.

Вскоре моя работа под началом управляющего Имса закончилась. Он сделал так много грязной работы, так часто обманывал для большого агентства, что не мог удержаться, чтобы не позаботиться о себе, и это привело к его падению.

В обмане для агентства управляющий Имс стал настоящим художником, а клиенты были жертвами. Например, плата восемь долларов в день и расходы – обычная плата оперативников – никогда не записывалась. Часто оперативник занимался несколькими операциями одновременно, просто чтобы обмануть клиента. Я сам как-то вёл – или притворялся, что вёл – четыре дела одновременно, и другие оперативники говорили мне о том же самом.

Когда управляющий Имс начал присваивать себе эти лёгкие восемь долларов в день, не ведя никаких записей, мистер У. А. Пинкертон уволил его и всех его любимчиков, даже бухгалтера и стенографистку. Я был единственным сотрудником денверской конторы, которого не уволили. Нет сомнений, что я был необходим как ковбой-детектив.

Богатых клиентов, конечно, продолжили обманывать, но теперь все грязные деньги шли в правильный карман – карман семьи Пинкертонов.

Главой денверской конторы стал мистер Джеймс Макпарланд, который прославился за повешение двадцати трёх участников организации «Молли Магуайр». Затем были набраны новые детективы и конторские работники.

Чтобы показать, как Национальное детективное агентство Пинкертона сеет анархию, я расскажу об одном из множества дел, очевидцем которых я был.

Богатый гражданин Колорадо, мистер Уолкотт решил попасть в Сенат США. Чтобы члены Законодательного собрания штата выбрали его, он и его люди наняли для этой работы Национальное детективное агентство Пинкертона.

Хотя я прямо не участвовал в коррупции, я был виновен в том, что получал восемь долларов за помощь в грязном деле. Я вошёл в дело после получения следующего письма от управляющего Джеймса Макпарланда. В тот раз я работал над делом о засолке шахт[2] для лорд-мэра Лондона и жил под вымышленным именем Чарльз Т. Леон. Вот точный текст письма:

«Денвер, 8 августа 1888 года.

Чарльзу Т. Леону, эсквайру, Фэрплей (Колорадо).

Уважаемый сэр!

Я хочу, чтобы бы сделали осторожные расспросы и выяснили всё о настроениях республиканцев насчёт Уолкотта. Сейчас вам не нужно ничего сообщать, но я хочу, чтобы вы были готовы дать хороший отчёт, если я захочу использовать вас в этом деле наряду с тем делом, которым вы уже заняты. Разумеется, это строго секретно. Уолкотт – кандидат в Сенат США, у него есть несколько соперников, и мы хотим знать, каковы настроения в вашем городе. Вы легко с этим справитесь без всяких трат до того времени, когда я включу вас в операцию. Вы можете начать разговоры с того, что, по вашему мнению, сенатор Боуэн, бывший сенатор Тейбор и Уолкотт будут сражаться за место, что все трое – вероятные кандидаты в Сенат и всё в этом роде. Разумеется, вам нужно говорить с республиканцами, поскольку демократы здесь бесполезны.

Всегда ваш

Джеймс Макпарланд».

Обратите внимание, что мистер Макпарланд говорит: «чтобы вы были готовы дать хороший отчёт… наряду с тем делом, которым вы уже заняты». А также: «без всяких трат до того времени, когда я включу вас в операцию». Разве это не указывает на то, что Национальное детективное агентство Пинкертона

поступает с клиентами несправедливо, ведя более чем одной операции одновременно? Или вы считаете, что оперативник поступает с клиентом честно, деля своё время между двумя и более клиентами? Как я упоминал, я работал над четырьмя операциями одновременно, и слышал от других оперативников, что они делали то же самое, и я верю в их правдивость.

Я заявляю, что билет Денверской и Рио-Грандской железнодорожной компании, был выписан мне за счёт Законодательного собрания. У Уолкотта, который скоро был выбран в Сенат, и у его брата Эдварда были доли в этой компании, а Эд Уолкотт был в ней крупным чиновником.

Исходя из того, что я сказал, у меня есть причины верить, что Уолкотт или его представители наняли Национальное детективное агентство Пинкертона для работы в его интересах по всему штату Колорадо.

В день выборов управляющий Джеймс Макпарланд поручил мне и оперативнику Оскару Ситону следить за избирательным округом, участок для голосования которого находился в отеле «Брунсуик» на Шестнадцатой улице, чтобы убедиться, что Уолкотт не зря потратил свои деньги.

Мы с Оскаром Ситоном по очереди следили за участком. Один оставался на участке, а второй посещал все салуны округа. На заднем дворе салуна свободных американских граждан загружали в повозки и везли на участок для голосования. Перед погрузкой каждому в правую руку давали бюллетень за Уолкотта и предупреждали держать руку подальше от тела, чтобы они ничего не могли изменить в бюллетене. Добравшись до отеля «Брунсуик», они шли в вестибюль и голосовали. Затем их отвозили обратно к салуну и давали по две новеньких двухдолларовых банкноты. Некоторые тут же торопились в другой избирательный округ, чтобы заработать ещё два доллара. Судя по тому, что говорили оперативники, которые вернулись в комнату оперативников после закрытия участков, эта грязная работа шла по всему городу.

Эти двухдолларовые банкноты были республиканскими деньгами, то есть избиратели были республиканцами. Для меня и Ситона это был напряжённый день, поскольку была целая вереница избирателей, которые голосовали с раннего утра до ночи. Разумеется, с шефом полиции уже «договорились», иначе в таком городе, как Денвер, подобное нельзя было проделать.

Многим будет интересно, писали ли оперативники честные отчёты о такой работе. Правда в том, что оперативник и управляющие держали всё в тайне и отчитывались перед клиентами устно.

Но если вы демократ, читатель, то не нужно надуваться от гордости и говорить: «Какая же коррумпированная эта Республиканская партия», – поскольку через несколько лет я видел, как Демократическая партия делает то же самое.

Мой управляющий сказал, чтобы в день выборов я оделся в старую одежду и стал бродягой.

В опасном районе Денвера я присоединился к группе бродяг и стал одним из них. Я голосовал восемь раз, как приказал мне Макпарланд, и три раза перед одними и теми же членами избирательного участка. За каждое голосование я получил по двадцать пять центов от парня из Демократической партии. Некоторые из моих приятелей-бродяг голосовали ещё чаще, поскольку нуждались в этих лёгких деньгах. Разумеется, я должен был отдать эти грязные деньги своему агентству.

Глава V. В роли объездчика лошадей. Дело о большом взрыве

Затем я перевоплотился из ковбоя в шахтёра. Меня отправили в Аспен (Колорадо), чтобы попытаться уничтожить самую серьёзную банду похитителей руды на Западе. Два месяца я работал обычным шахтёром на одной из самых больших шахт в лагере.

После того, как меня приняли в ближний круг банды во главе с Пэдди Макнамарой, я уволился и помог Пэдди Маку доставить украденную руду на пункт отбора проб, где под покровом ночи она была продана. Клиенты прятались в пустом товарном вагоне или на верхнем этаже и видели, как руду, которая стоит десять долларов за фунт, передают начальнику пункта.

В итоге после моего четырёхмесячного пребывания в лагере банда была уничтожена, а меня и многих других бросили в тюрьму.

Вскоре после этого старый Пэдди Мак, который прославился как вор в ранние дни Джорджтауна и Блэкхоука, умер от горя, поражённый тем, что его наконец схватили церберы Пинкертона.

Владельцы пункта отбора руды принадлежали к высшему обществу, и их отпустили при условии, что они продадут имущество и уедут из лагеря по-хорошему. Они выполнили обещание, и один из них теперь богатый заводчик на Северо-Западе.

Моя следующая крупная операция была делом о засолке шахты в округе Парк (Колорадо). Эта шахта была посолена и продана английскому аристократу за сто девяносто тысяч долларов наличными и встречное удовлетворение.

Два эксперта, которые осматривали бесполезную шахту, попались на удочку знаменитого бывшего заключённого Цыплёнка Билла, которого я буду называть Джеки.

Джеки и его приятель Энди три года солили шахту.

Шесть месяцев я играл роль ковбоя-преступника в буйно растущих городках Фэрплее и Альме и добился от Джеки полного признания. После этого дело попало в суд, и благородный английский лорд получил свои сто пятьдесят тысяч.

После этого я занимался разной сыскной работой – играл роль бродяги, ночуя в грязной тюрьме, и объезжал диких бронко.

Я объезжал бронко на ранчо Фрэнка Маршала, что в полумиле от города Лонгмонт (Колорадо). Было подозрение, что в шикарном доме Фрэнка Маршала, который вскоре после этого

прославился убийством боксёра Клафа, скрывается его брат, ранивший богатого человека в Монтане.

Чтобы заслужить признание, я должен был проскакать на необъезженном бронко внутри заграждения из колючей проволоки перед домом Маршала. В моём кармане лежала фотография молодого Маршала. Когда норовистый бронко, который сбрасывал любого седока, пытавшегося его приручить, встал на дыбы возле крыльца, где стояли леди и джентльмены, хлопавшие от радости, я увидел, что мой человек выглядывает из-за приоткрытой двери. К тому времени, как бронко снова подскакал к крыльцу, мой человек скрылся из виду за спинами леди. Поиски этого симпатичного молодого человека закончились, но объездка не закончилась, пока конь не выбился из сил.

Преподобный мистер Маршал из шикарной церкви в Денвере и его симпатичная жена были свидетелями этого бесплатного состязания по объездке.

Я играл роль странствующего ковбоя из Техаса по имени Чарльз Лерой. Если бы я сумел удержаться на этом бронко и приручить его, я работал бы на мистера Фрэнка Маршала до тех пор, пока у него есть дикие лошади. Я оставался на крупном звере серо-стального цвета целых два часа, пока он не вымотался и не стал послушным, как ягнёнок. Прежде чем я спешился, мне поручили помочь ковбою согнать стадо коров.

Кому-то может быть любопытно, что стало с тем симпатичным черноволосым джентльменом. Когда я его нашёл, моя работа закончилась, и в бой вступили другие сыщики.

Нужно помнить, что те способы, какими Национальное детективное агентство Пинкертона зарабатывает всемогущий доллар, темны и таинственны.

Управляющий распорядился, чтобы я не арестовывал этого человека, пока в Хелене (Монтана) не умрёт его жертва. Так будет предотвращён скандал в высшем свете, а в карманах тех, кто платил нам жалованье, окажутся лёгкие деньги. У меня есть только предположение: я подозреваю, что богатая жена жертвы тоже участвовала в том, чтобы дело не попало в суд.

Следующая крупная операция привела меня в Сан-Франциско, где я прикоснулся к высшему свету, прожив неделю в шикарном отеле «Палас». Оттуда я уехал в Тускарору (Невада), где началась настоящая работа.

Двух важных и богатых владельцев шахты в Тускароре подорвали динамитом, но они не погибли. Один из них пролетел через крышу своего дома и приземлился на улице, закутанный в своё одеяло. Он буквально упал на перину без единой царапины.

Но другому не так повезло – его оглушило, и он получил ушибы.

После взрыва Детективное агентство Кёртена из Сан-Франциско отправило в Тускарору трёх отборных детективов, чтобы они добрались до тех, кто совершил это коварное злодеяние. Но за несколько месяцев они не нашли никакой зацепки, и их отозвали в Город Золотых Ворот. Затем на сцене появился ваш смиренный слуга.

За несколько месяцев я выяснил, кто был виноват. Мы с главой банды стали приятелями и вместе поехали искать золото в горы Уичита на Индейской территории.

В Уичита-Фолсе (Техас) мы купили сёдла и хороших верховых лошадей и поскакали в горы Уичита, что в западной части Индейской территории. Следующие несколько месяцев мы прожили тяжёлой одинокой жизнью, кормясь охотой и прячась от индейской полиции и маршалов США, поскольку белым нельзя искать золото в этих горах.

У нас были быстрые лошади, мы разбивали лагерь в самых высоких и недоступных местах и сумели ускользнуть от преследователей. В итоге я добился от моего приятеля полного признания, как и почему были взорваны владельцы шахты. Мой приятель поджёг один из запалов, оба они были равной длины и взорвались в одно время, чтобы у обоих джентльменов сразу выросли ангельские крылышки.

После того, как я получил подробное признание, мы на наших лошадях проскакали шестьдесят миль до Денвера (Колорадо). Затем моего приятеля и компаньона арестовали, он в присутствии одного из подорванных владельцев шахты сделал признание, и я вышел из игры. Всего на операцию я потратил девять месяцев, это было в 1889 году. Я пользовался именем Чарльз Т. Леон – тем же, что и в округе Парк (Колорадо), в деле о засолке шахты.

Глава VI. Я присоединяюсь к Белым колпакам Нью-Мексико. Дело убийцы Тэскота

Зимой 1889-1890 годов я занимался городской работой и получил много новых уроков коррупции и алчности.

Слёзы и муки женщин и детей, казалось, не имели воздействия на большое агентство и коррумпированных городских чиновников, которые верили только во всемогущий доллар. Поэтому весной я был рад отряхнуть прах городской слежки со своих стоп и отправиться в солнечные земли Нью-Мексико, чтобы поработать на губернатора Л. Брэдфорда Принса и его территорию.

В начале февраля 1890 года я оказался в столичном городе Санта-Фе и после встречи с губернатором Принсом и генеральным прокурором Эдом Л. Партлеттом приступил к работе.

В Санта-Фе проходил съезд территориального законодательного собрания, и незадолго до моего приезда убийцы верхом на лошадях расстреляли адвокатскую контору мистера Томаса Б. Кэтрона, где проходила встреча исполнительного комитета. Заряд дроби попал в шею сенатора Анчеты, ещё один застрял в стопке юридических книг перед мистером Кэтроном, а пуля из ружья едва не попала в бывшего сенатора Стовера.

Убийц при свете фонаря преследовали несколько миль, отпечатки лошадиных копыт в снегу и слякоти вели на восток, к округу Сан-Мигель.

У одной лошади была кривая задняя нога, след на снегу оставляла только половина подковы. Это была моя единственная зацепка.

Следы вели в округ Сан-Мигель, где беззаконная организация «Белые колпаки» вела войну против закона и порядка, уничтожая заграждения, убивая, сжигая дома. Мне посоветовали отправляться в Лас-Вегас – столицу Сан-Мигеля и присоединиться к Белым колпакам, поскольку подозревали, что этот орден был зачинщиком преступления.

Выдавая себя за дикого и грубого ковбоя-преступника, верхом на испанском бронко, я поскакал из Лас-Вегаса в город Теколоте и присоединился к ордену Белых колпаков. В большой усадьбе находилась толпа индейцев и мексиканцев и один эбонитово-

чёрный негр, женатый на мексиканке. Среди членов теколотской ложи я был единственным гринго.

Через пару месяцев я решил, что Белые колпаки непричастны к преступлению в Санта-Фе. Поэтому я стал искать другие зацепки и приехал в небольшое мексиканское поселение Охо-де-ла-Бака (Коровий Ручей) в южной части округа Санта-Фе. Здесь я нашёл лошадь с кривой ногой и узнал, что её хозяин, В. Г. ездил в Санта-Фе прямо перед стрельбой. Позже я получил частичное признание В. Г. и других членов банды. Я жил у Ф. Г. – члена банды.

Скоро я узнал, что преступление было совершено из-за закона о бесплатных государственных школах на территории Нью-Мексико. Анчета поддерживал этот закон.

Люди, которые совершили преступление, были членами религиозного ордена и добрыми республиканцами, вот и весь сказ. Из-за страха, что приговора не будет и что движение сухих костей может вызвать бурю в Великой Старой Партии, которая была у власти, дело замяли. Хотя чуть позже люди, которые, по моему мнению, участвовали в стрельбе в Анчету, были повешены за убийство в Санта-Фе. Демократы, которые получили контроль над территорией, повесили четырёх членов банды Борраго.

Когда мои друзья из Охо-де-ла-Бака приезжали в Санта-Фе, я поговорил с ребятами Борраго и позднее узнал, что они были зачинщиками стрельбы в Анчету.

После восьми месяцев напряжённой жизни в Нью-Мексико я вернулся в Денвер немного изуродованный.

В Охо-де-ла-Бака я подхватил оспу и целый месяц провалялся в постели, и смерть смотрела мне в лицо. После выздоровления у меня осталось рябое лицо, то есть я был немного изуродован.

В это же время, забыл точную дату, я получил новый урок того, как моё агентство защищает закон.

Некий Тэскот хладнокровно убил миллионера Снелла из Чикаго в его собственном доме. Через прессу за арест Тэскота была объявлена награда в пятьдесят тысяч долларов.

Нам, денверским сыщикам Пинкертона, не приказали смотреть в оба в поисках этого убийцы, и некоторые оперативники имели наглость намекать, что в карман агентства уже попали деньги за то, чтобы Тэскот скрылся.

Во время одного из частых приездов мистера У. А. Пинкертона в Денвер он показал мне письмо, которое получил от некоего человека с реки Юкон на Аляске. Автор писал, что он живёт с разыскиваемым Тэскотом в одном лагере и сдаст его Национальному детективному агентству Пинкертона за часть награды. Я сообщил мистеру У. А. Пинкертону, что я узнал автора

письма и его почерк. Это был человек слова, хотя его самого разыскивали за убийство. Его настоящее имя было У. Мур. Он убил двух человек в Американ-Вэлли в Нью-Мексико, сбежал и поселился в диких местах Аляски. Я три года работал начальником ковбоев у Мура, поэтому знал его почерк.

После того, как Мур совершил убийство, один бывший ковбой, мой приятель встретился с ним на Аляске, где тот жил под вымышленным именем, которым подписал письмо Пинкертону. Этот ковбой никогда не слышал, что Мур совершил убийство в Нью-Мексико. После возвращения в Сан-Диего он написал мне и спросил, почему Мур живёт под вымышленным именем. Он также писал, что Мур просил его молчать о встрече на Аляске, но не объяснял, почему.

Наконец мистер Пинкертон по секрету рассказал мне, что они не хотят, чтобы Тэскота арестовали и вернули в Чикаго, поскольку это вызовет скандал в высшем свете, а пятьдесят тысяч долларов, предложенные за его арест, – фальшивка для публики.

Вот так агентство могло бы на одну удочку поймать двух хладнокровных убийц, если бы оно было тем, кем себя называет – организацией, которая борется с преступностью ради развития общества.

Разумеется, если это прочитает орлиный глаз мистера У. А. Пинкертона, он будет с возмущением это отрицать. Он будет спрашивать, как можно верить в такую историю, если его достопочтенный предок ел и спал на одном замёрзшем поле боя с Авраамом Линкольном.

При всех недостатках агентства, я должен признать, что оно ради денег много потрудилось в борьбе с преступностью. Если бы оно этого не делало, то захлебнулось бы в той грязной воде, в которой постоянно барахтается.

Глава VII. Кровавое восстание в Кёр-д'Алене в 1892 году

После того, как я вернулся от Белых колпаков, управляющий Джеймс Макпарланд вызвал меня в свой кабинет и приказал готовиться к долгой операции в Кёр-д'Алене в северном Айдахо.

Он объяснил, что я должен вступить в шахтёрский профсоюз и раскрыть его тайны для ассоциации владельцев шахт, у которых неприятности с шахтёрами. Я отказался работать в такой операции, поскольку сочувствовал рабочим и был против капиталистов. Он попросил прощения и сказал, что тогда я буду несправедлив к клиентам. Он выбрал для этой работы другого оперативника, бывшего шахтёра, а меня отправил в Юту и Калифорнию на железнодорожную операцию, в группе было шесть сыщиков.

Через месяц, когда я был в Солт-Лейк-Сити, мне телеграфировали с первым же поездом приехать в Денвер, что я и сделал. Пригласив меня в кабинет, мистер Макпарланд сказал: «Чарльз, вы должны поехать в Кёр-д'Ален. Вы единственный человек, который справится с этой работой. Другой оперативник, которого я отправил туда, вызвал подозрения и сбежал, чтобы спасти свою жизнь. Я предлагаю вам вот что: вы едете туда и вступаете в профсоюз. Если вы поймёте, что шахтёры правы, а владельцы шахты – нет, тут же возвращайтесь; а иначе оставайтесь и закончите работу». Мне показалось, что это честно, и я согласился.

Приехав в Уоллес (Айдахо), главный город округа Кёр-д'Ален, я встретился с сотрудниками ассоциации владельцев шахт, в том числе с главой ассоциации мистером Джоном Хейзом Хаммондом и её секретарём мистером Джоном А. Финчем. Мне посоветовали поселиться в растущем шахтёрском лагере Джем, что в четырёх милях от Уоллеса. Он считался самым опасным лагерем в Кёр-д'Алене.

Я работал на шахте в Джеме за плату в три доллара пятьдесят центов за смену и через две недели вступил в профсоюз шахтёров Джема, это было отделение материнского профсоюза в Бьютте (Монтана). Разумеется, я должен был на крови присягнуть «Молли Магуайр» и умереть за благородный орден, а если я стану предателем и выдам его тайны, смерть да будет мне наградой.

Через два месяца меня выбрали секретарём-регистратором профсоюза в Джеме. Тогда я уволился и стал помощником рьяного анархиста Джорджа А. Петтибоуна, который был

финансовым секретарём профсоюза в Джеме и одним из руководителей Центрального профсоюза шахтёров Кёр-д'Алена, охватывавшего лагеря Бёрк, Джем, Уорднер и Маллен.

Мне нечего было делать, только пить и изучать анархию вблизи. Моё сочувствие к профсоюзам рабочих испарилось, и я решил остаться и посмотреть, как закончится война.

Мой приятель Джордж А. Петтибоун был мировым судьёй в Джеме и мстил штрейкбрехерам.

Зимой я вынужден был помогать втаптывать в грязь Конституцию США. Мы собирали штрейкбрехеров и уводили их вдоль каньона за пределы города Бёрка, изгоняя в Монтану. В группе бывало по полдесятка человек. Их вытаскивали из домов, иногда с рыдающими жёнами и детьми, просящими о пощаде. Их вели по улицам Джема и оплёвывали под грохот кастрюль и звон колокольчиков. Это было предупреждение всем, у кого будет мужество критиковать благородный профсоюз или отказываться платить членские взносы.

За пределами Бёрка этим полуодетым гражданам – кое-то из них сражался в армии Союза – сказали убираться в Монтану и не возвращаться под угрозой смерти, а для разбега выстрелили над их головами. Зимой в горном хребте Биттеррут глубина снега – от четырёх до двадцати футов, и вы можете себе представить, что перенесли эти штрейкбрехеры, когда брели тридцать миль без еды и убежища до ближайшего поселения, Томпсон-Фолса.

Затем газеты Анаконды и Бьютта выпустили хвалебные статьи о том, как митинг в Джеме заклеймил этих нежелательных граждан и выгнал их из штата.

Этот тип анархии царил всю зиму, и моя техасская кровь доходила до точки кипения, но я притворялся, что мне это нравится.

В конце весны по всему Кёр-д'Алену была объявлена забастовка. Вскоре после этого ассоциация владельцев шахт начала привозить шахтёров, которые не входили в профсоюз, целыми поездами. Началась война со штрейкбрехерами, но настоящая война разразилась 4 июля 1892 года.

Все шахтёры округа Кёр-д'Ален встретились в Джеме, вооружённые до зубов, с намерением начать революцию, которая, как они надеялись, охватит весь Запад. Я писал отчёты для ассоциации владельцев шахт, поэтому перед восстанием большинство владельцев на поезде уехали из Уоллеса в Спокан (Вашингтон).

Утром в день восстания я должен был пережить сцену убийства брата Пифийского рыцаря, который был охранником из Детективного агентства Тиля, его застрелили в сердце. Вокруг

шахт Джема и Фриско началась война тысячи вооружённых рабочих из профсоюза против трехсот вооружённых охранников и рабочих не из профсоюза. Из Бьютта (Монтана) для участия в революции прибыла делегация боевиков под руководством Питера Брина и Далласа, секретаря материнского профсоюза.

Короче говоря, в день большого кровопролития я был разоблачён как шпион Пинкертона и приговорён к сожжению у столба в назидание другим предателям. Чёрный Джек Гриффит, который помогал взорвать двух владельцев шахты в Тускароре (Невада), узнал меня как известного пинкертоновца Чарльза Леона.

После того, как фабрику Фриско взорвали динамитов, и много людей погибло и было ранено, было схвачено сто человек, и мне сообщили, что меня собираются сжечь.

Не собираясь участвовать в этом жестоком деле, я прижал винчестер и старый ковбойский кольт 45-го калибра поближе к груди и взбунтовался в одиночку.

В двухэтажном доме в Джеме я проделал дыру в полу и спустился к матушке-земле. Когда толпа во главе с Далласом взломала дверь и вошла, чтобы получить жирного телёнка для бойни, я крался под досками тротуара, под ногами толпы. Я прополз сто футов до выхода и рванулся к свободе. Мимо моей груди просвистела пуля, и я прыгнул в поток пенящейся воды, которая текла по деревянному жёлобу под высокой железнодорожной насыпью. Пробравшись по этому жёлобу, я пробежал семьдесят ярдов и встретил мистера Джона Монихана, управляющего шахтой Джема, с которым было сто тридцать вооружённых человек.

Война продолжилась, но наконец мистер Монихан со своей небольшой армией сдался. Тогда я и молодой герой по имени Фрэнк Старк, который умолял меня взять его с собой, скрылись в окрестностях.

На нашей дороге к свободе стояли четыре профсоюзных охранника. Они чуть не сломали себе шеи, катясь по горному склону.

После того, как мистер Монихан и его люди сдались, на следующий день их повели в банк в Уоллесе, чтобы снять деньги со счёта. Затем их повели к озеру Кёр-д'Ален, где стоял пароход из Спокана (Вашингтон), и в сумерках группа верховых рабочих профсоюза во главе с Биллом Блэком выстрелила в них из ружей и револьверов. Мистер Монихан и Перси Саммерс прыгнули в озеро и поплыли к острову. Их деньги были украдены в духе настоящих бандитов.

Один человек, Джон Аббот, который был ранен в туловище

при первом залпе, скрылся в высокой траве края воды, и он говорил, что эта благородная группа профсоюзных головорезов ограбила нескольких убитых, затем разрезала им животы, чтобы они утонули, и бросила их в воду.

Монихан и его человек, Фрайди, были на следующий день подобраны пароходом.

Потом посчитали, что пропали четырнадцать рабочих не из профсоюза, и есть предположение, что именно их бросили на дно реки, как видел Аббот.

Волнения в Уоллесе продолжались два дня. Все рабочие, которые не сочувствовали профсоюзам, были выведены из города и изгнаны. Им говорили, чтобы они уходили из штата и никогда не возвращались.

Мы со Старком трое суток скрывались в окрестных горах к югу от Уоллеса, пока не появилось тысячное войско армии США и милиции штата под командованием генерала Карлина. Тогда мы вышли из дикой местности и наелись до отвала в отеле «Картер».

Меня назначили заместителем маршала, и я с отрядом солдат начал облаву. Когда я был ковбоем, я сгонял скот, но никогда мне не приходилось руководить облавой на подрывников-анархистов.

Горы были обысканы до границы с Монтаной. Генерал Карлин не разрешал солдатам покидать Айдахо, поэтому многие подрывники сбежали.

Моего закадычного друга, судью Джорджа А. Петтибоуна нашли в горах с перебитой рукой и другими ранами, полученными при взрыве фабрики Фриско. Это он поджёг запал, который отправил людей в могилу раньше срока. Сила взрыва отбросила достопочтенного Петтибоуна на верхушку дерева.

Облава продолжалась до тех пор, пока в кутузке Уоллеса не оказалось триста разъярённых, неуправляемых людей.

Я был главным свидетелем у судьи Битти в Кёр-д'Алене и Бойсе (Айдахо). Восемнадцать руководителей профсоюза были приговорены.

Мой друг носил полосатую робу в тюрьме Детройта (Мичиган), а после освобождения помогал организовывать шахтёрские профсоюзы Западной федерации шахтёров, которая пролила много крови.

Через два года и два месяца я вернулся в Денвер, чтобы заняться чем-нибудь другим.

Глава VIII. В тюрьме с убийцей. Казнь Тома Хорна

В это время я опять оказался за решёткой.

Знаменитый ловец людей Док Шорс работал для крупной железнодорожной компании.

Два молодых человека решили заполучить немного лёгких денег. На станции Чачеро они убили одного человека и ещё одного ранили, но против них не было доказательств. Их арестовали и поместили в камеру в тюрьме Пуэбло (Колорадо), и скоро в ту же камеру посадили меня.

За две-три недели я добился полного признания от Дика Манли и юного Андерсона, но юный Андерсон, говоря о своих злодеяниях, плакал и заявлял, что больше никогда в жизни не пойдёт на преступление, а Манли хвастался своими злодеяниями.

На процессе в Уолсенбурге я рассказал об этом присяжным, и они отпустили юного Андерсона, а Дик Манли был приговорён к семнадцати годам заключения. Я был вознаграждён благодарностью от седовласых отца и матери юного Андерсона.

Через несколько лет сестра Манли и её муж убедили меня использовать своё влияние на губернатора Макинтайра и добиться помилования Дика, поскольку он обещал исправиться. Я выполнил их просьбу, но Дик Манли, выйдя из тюрьмы, через несколько месяцев убил человека в Ред-Ривер-Сити (Нью-Мексико), а потом вместе с компанией таких же бандитов ограбил банк в Брекенридже (Колорадо). В дальнейшей перестрелке Дика Манли убили, но сначала погибли два храбрых полицейских. Это было для меня уроком.

Я уже второй раз был в тюрьме для Дока Шорса и его железнодорожной компании. За несколько лет до этого Родс и два брата Смита ограбили поезд возле Прайса (Юта) и долго скрывались на острове на Грин-Ривер.

Я приехал в Канзас и работал на родителей Смитов и их прелестную сестру. В итоге на меня вместе с Родсом и Смитами надели наручники и отправили в тюрьму в Ганнисоне (Колорадо). Через две недели близкого общения я добился от всех троих полного признания, и они получили по семь лет заключения.

Национальное детективное агентство Пинкертона наняло меня как ковбоя-детектива, чтобы работать на скотоводов, но они поняли, что я не готов к грязной работе, поэтому в 1889 году они наняли в качестве ковбоя-детектива печально знаменитого Тома Хорна из Аризоны, и с этого времени у Национального

детективного агентства Пинкертона было много заказов от скотоводов Вайоминга.

Том Хорн, отправленный в Вайоминг Национальным детективным агентством Пинкертона вместе с группой стрелков с Индейской территории, помог начать великую Войну в округе Джонсон.

Эту кровавую войну, как говорили мне Том Хорн и другие, замыслили богатые скотоводы, чтобы избавиться от бедных владельцев ранчо. Тогда было совершено много хладнокровных убийств.

Не могу вспомнить всех убийств, которые произошли во время Войны в округе Джонсон, но трое были повешены и семеро убиты. Ник Рей и Нейт Чампион были найдены мёртвыми у Литл-Пайни, а брат Тома Хорна Фрэнк Кэнтон, который помогал нанимать стрелков для Войны в округе Джонсон, помог убить Джонса и Тисдейла на Паудер-Ривер. Но это долгая и кровавая история, и мир никогда не узнает, сколько кровавых долларов получило Национальное детективное агентство Пинкертона за участие в этих позорных преступлениях.

Том Хорн родился возле Мемфиса (округ Скотленд, Миссури) 21 ноября 1860 года. В нежном возрасте четырнадцати лет он сбежал из дома, чтобы стать ковбоем и разведчиком в диких местностях Нью-Мексико и Аризоны.

Однажды Том Хорн поставил Национальное детективное агентство Пинкертона в тяжёлое положение. Он был на тайной операции в Рино (Невада). Ночью, в одиночку он ограбил крупный игорный дом. Один из крупье узнал лицо Хорна, когда его маска немного поднялась. На следующий день его арестовали и бросили в тюрьму.

Разумеется, бедняга Хорн воззвал к своим покровителям, Национальному детективному агентству Пинкертона, поскольку они не могли позволить ему отправиться в тюрьму после его благородной (?) работы во время Войны в округе Джонсон.

Мистер Уильям А. Пинкертон послал в Рино (Невада) своего доверенного помощника, ныне руководителя западного отделения Национального детективного агентства Пинкертона со штаб-квартирой в Сан-Франциско.

Вскоре после возвращения Хорна в Денвер он рассказал мне всё об этом деле. Мистер Фрейзер говорил, что агентству это стоило кучу денег.

Один раз, приехав в Денвер, Уильям А. Пинкертон говорил мне, что Том Хорн был виновен в преступлении, но что нельзя позволить, чтобы его люди отправились в тюрьму, будучи на службе. Поэтому он продолжил выплачивать Хорну еженедельное

жалованье и заплатил за время, пока тот сидел в тюрьме.

Через несколько лет, 20 ноября 1903 года, в 11 часов утра бедняга Том Хорн, ростом шесть футов и два дюйма, и каждый дюйм – сплошные мускулы, был повешен до смерти, смерти, смерти в Шайенне (Вайоминг).

Преступление, за которое его повесили, было убийство Уилли Никелла. Юный Никелл был найден мёртвым на равнине с камнем под головой. В старика Никелла стреляли дважды, но он сбежал.

Хорн признался в убийстве Уилли Никелла и множества других людей заместителю маршала США Джо Лефорсу и стенографистке. Он рассказал, что по заказу богатых скотоводов Вайоминга он убивал тех, кого подозревали в краже скота, и получал шестьсот долларов за голову. Всякий раз, когда находили тело с камнем под головой, Хорну платили шестьсот долларов и не задавали вопросов. Хорн заявил, что камень под головой – это его личная метка.

После одной из его кровавых поездок в Вайоминг мы с Хорном вышли из Национального детективного агентства Пинкертона и направились перекусить в кафе и салун Нельсона.

В начале вечера Хорн рассказал мне о том, что убил двух человек, одного звали Мэтт Раш. Не могу вспомнить имя второго.

Скотоводы Вайоминга подозревали, что эти два ковбоя крадут скот, и занесли их имена в список людей, которых Том Хорн должен убить.

Хорн рассказал, что он лежал в кустах и застрелил одного из этих людей, когда тот набирал воды из ручья. Другого он убил в хижине, где тот жил один. Хорн прискакал после наступления темноты, и этот ковбой пригласил его переночевать.

Хорн сказал, что после ужина он собирался было пристрелить ковбоя, но решил подождать, пока тот не помоет тарелки. Когда последняя тарелка была вымыта, он достал свой кольт и застрелил ковбоя, а затем всю ночь спал в хижине рядом с трупом.

За несколько лет до этого, сидя в комнате оперативников в Денвере, Хорн рассказал мне историю, которая показалась мне ещё более отвратительной.

Тогда он был разведчиком в Аризоне. Несколько солдат сражались с группой индейцев, и все индейцы были убиты.

Через три дня он с тремя солдатами ехал мимо поля битвы. Один из солдат заметил трёхлетнего ребёнка, который пытался сосать грудь мёртвой матери. Солдат подозвал своих товарищей. Хорн сказал солдатам, что разберётся с маленьким сорванцом. Он направил лошадь к ребёнку, наклонился и выстрелил ребёнку в

голову.

При всех недостатках Тома Хорна, нужно признать, что он храбро вёл себя перед казнью и был верен своим друзьям, которые много лет нанимали его в качестве убийцы.

Все доказательства свидетельствуют о том, что Джон Кобл – тогда богатый скотовод в Вайоминге – имел дела с Томом Хорном. Он тоже был ему верен и оставался рядом с Хорном до последнего вздоха. Кобл потратил свои деньги и пожертвовал своими друзьями, защищая Хорна. Но напряжение было слишком велико, и позднее он пустил себе пулю в голову.

Говорят, что за время работы на агентство Пинкертона Хорн убил семнадцать человек. В Нью-Йорке мистер Роберт А. Пинкертон сказал мне, что мог бы спасти жизнь Тома Хорна. Но он боялся, что все узнают о том, что Хорн был одним из их доверенных детективов. Разумеется, в денверской конторе Национального детективного агентства Пинкертона не найдутся документы, которые докажут, что они не имели отношения к позорным делам Хорна. Но просто внимательно прочитайте письмо на следующей странице, написанное Джорджем Д. Бэнгсом, главой организации, и увидите, как они перемещают опасные доказательства из одного штата в другой.

Кроме того, они не делают записей об опасных доказательствах в своих документах. Для иллюстрации я расскажу о двух делах, в которых я участвовал, хотя ни в одной из этих операции я не навредил ни одному человеку. Хотя я должен признаться, что помогал загрязнять наш общественный строй.

Когда я уезжал из Денвера в Прескотт (Аризона), чтобы работать на шахте Кларка-Дьюка, мой управляющий приказал не добавлять в мои постоянные отчёты опасные доказательства, которые могут нанести ущерб агентству, но сообщать их устно или письменно представителям клиентов на месте. Так я и поступил после того, как были подкуплены присяжные, поскольку не был готов потерять работу из-за неподчинения.

Другое дело было против правительства США в Розуэлле (Нью-Мексико). Мой управляющий приказал отчитываться прямо клиентам на месте, поскольку Национальное детективное агентство Пинкертона не может позволить, чтобы публика узнала о том, что они ведут делишки против его милости Дяди Сэма. Поэтому в быстро растущем городе Розуэлле я встречался с двумя богатыми клиентами в шикарном доме терпимости, где, попивая шампанское, устно отчитывался перед ними.

В качестве примера того, как честное (?) Национальное детективное агентство Пинкертона обманывает клиентов и использует коварные методы для одурачивания людей, я печатаю

здесь копию одного из множества писем, которые я читал.

«Строго секретно.

Операция в Питтсбурге.

«Кристи и Кристи».

Металлургическая компания «Лакаванна».

Нью-Йорк, 20 марта 1907 года.

Джону Корнишу, эсквайру, руководителю восточного отделения, Нью-Йорк.

Уважаемый сэр!

Выше правильное название дела до тех пор, пока не найдётся оперативник для работы.

Эта операция проводится не для металлургической компании «Элирия», а для металлургической компании «Лакаванна».

Мистер Гудвин вернёт это письмо в Нью-Йорк. Мы не хотим, чтобы в документах буффалской конторы оставалось хоть что-то, связанное с этим делом.

Металлургическая компания «Лакаванна» - клиент буффалской конторы, и мы хотим, чтобы буффалская контора могла ответить на возможные вопросы, что они ничего не знают о проделанной работе.

Работа совершенно законная, и я не вижу причин, почему за неё нельзя взяться. Сейчас мы не работаем на металлургическую компанию «Лакаванна», но всем, что будет сделано, займётся питтсбургская контора. Если возможно, мы хотели бы, чтобы металлургическая компания «Лакаванна» не знала, что доказательства добыло наше агентство.

Эти дела займут много времени, прежде чем окажутся в суде, и я не понимаю, как мы сможем ручаться, что наш оперативник будет доступен, когда потребуются доказательства. Он может быть не из агентства и вне нашего контроля, возможно уволен. Это один из вопросов, которые нужно уладить с клиентом.

Есть один вопрос. Возможно, что металлургическая компания «Элирия» сможет выделить одного из своих сотрудников, которому они доверяют, и позволит нам руководить им для поиска доказательств. Мы возьмём за это меньше, чем «Элирия» платит ему. Если они не смогут этого сделать, возможно, они смогут договориться с какими-то своими партнёрами, чтобы те предоставили человека, или мы сможем найти человека у наших партнёров. Возможно, Том Валлинс, который раньше работал у нас и который, кажется, живёт, в Кливленде, сможет дать нам человека, который будет работать на нас, не зная, что он работает на агентство. Мы сообщим мистеру Валлинсу, что этот человек должен поехать в определённый отель, куда человек с таким-то именем вызовет его, и он сделает то, что ему прикажут, но для

металлургической компании «Элирия» важно, чтобы этот человек, кем бы он ни был, будет способен стать свидетелем.

Эти предложения мы отправляем главному управляющему Бирсу и управляющему Бартону для разработки.

Искренне ваш

Джордж Д. Бэнгс, главный руководитель».

В этом письме особое внимание обращают на себя слова: «Металлургическая компания «Лакаванна» - клиент буффалской конторы, и мы хотим, чтобы буффалская контора могла ответить на возможные вопросы, что они ничего не знают о проделанной работе». И это пишет глава организации! Представьте их возможности для преступлений, когда они перемещают все письма и документы из одного штата в другой, так что местные сотрудники могут поклясться всем святым, что они ничего не знают об этом деле.

Обратите внимание на то, что агентство работает против своего многолетнего клиента, металлургической компании «Лакаванна», подыскивая сыщика не из агентства Пинкертона, но за услуги которого агентство получит плату.

Это тот же метод, о котором я говорил, когда сыщики или громилы берутся на стороне, чтобы совершать несправедливость и добавить золотые доллары в денежный сундук агентства, а главное, чтобы защитить доброе имя организации.

Один из ловких трюков Национального детективного агентства называется «объединение». Это прямой грабёж клиентов, которые им доверяют. В основном, это делается для того, чтобы прикрыть развлечения и мнимые подарки клиентам. Вот, к примеру, две иллюстрации.

Около 1904 года Национальное детективное агентство Пинкертона купило прекрасный никелированный револьвер «Смит и Вессон» с перламутровой рукояткой стоимостью двадцать семь долларов и подарило его мистеру Фрэнку Леману, секретарю третьего вице-президента Кендрикса из железнодорожной компании Атчисона, Топеки и Санта-Фе.

Разумеется, мистер Леман почёл за честь принять такой подарок от агентства. Но, пересматривая счета, он обнаружил, что револьвер был записан на железнодорожную компанию. Он взбрыкнул, и агентство послало своих доверенных управляющих, чтобы сказать мистеру Леману, что это была ошибка счетовода. Этот пункт был вычеркнут из счёта, и мистер Леман остался доволен. Но в следующем месяце цена револьвера была «объединена». Так что железнодорожная компания оплатила счёт, сама того не ведая.

Эти двадцать семь долларов были «объединены» с

ежедневными расходами разных оперативников до того, как операция закончилась.

Поясню: если оперативник указывал двадцать долларов расходов в неделю, то счетовод мог добавить ещё несколько.

В то же время агентство подарило револьвер мистеру Фреду У. Джобу, ныне адвокату, а тогда секретарю Чикагской ассоциации работодателей. Он тоже был «объединён», и ассоциация заплатила за подарок, сама того не ведая. Но там, где невежество – благо, глупо быть мудрым!

Глава IX. Выслеживая преступников в Аризоне. Мы находим похищенное золото на Аляске

Мне поручили сложную операцию по заказу крупных железнодорожных компаний на Западе. Моя работа велась в Колорадо, Нью-Мексико, Техасе, Аризоне и Калифорнии.

Я передвигался между станциями зайцем в товарных и пассажирских поездах, играя роль бродяги и нося дешёвую одежду, но на станциях, когда я работал с начальниками дистанции пути и конторскими служащими, я надевал хорошую одежду и превращался в состоятельного джентльмена. Мою одежду высылали вперёд скорым поездом.

Вскоре после этого я играл роль бродяги для другой железнодорожной сети. Работа заняла почти год, и я, естественно, узнал много нового о преступном мире. Когда меня ссаживали с поезда в пустыне, и я был вынужден идти пешком, это уязвляло мои ковбойские чувства. Много раз я молил о бронко.

Во время большой Пульмановской забастовки Американского профсоюза железнодорожников я стал одним из безработных армии Кокси и провёл много времени в Вайоминге и Монтане по заказу крупной железнодорожной компании. Я видел, как забастовщики устраивали резню штрейкбрехеров не из профсоюза.

Затем мы с оперативником С. отправились на Аляску, чтобы поймать грабителей, которые украли десять тысяч долларов золотом у крупной золотодобывающей компании.

Мы провели четыре месяца в стране незаходящего солнца, частично на каноэ, продавая виски разным индейским племенам вне окружных дорог. Наконец мы нашли грабителей, Шелла и Хаббарда, в индейской деревне Чике на западном берегу Адмиралтейского острова. Обоих преступников отправили в тюрьму, а десять тысяч долларов золотом вернулись к законным владельцам.

Это принесло мне известность. Газеты написали обо мне под вымышленным именем Лерой Дэвис как о прекрасном сыщике. До этого три оперативника Пинкертона провели два месяца на Аляске по тому же делу, но не сумели найти виновных.

В этом путешествии мы были на волосок от гибели, а также ели странных моллюсков, рыбу и дичь. В некоторых местах здесь столько же медведей, сколько коров на техасских пастбищах.

Вскоре после возвращения в Денвер я ещё раз соприкоснулся с ковбойской жизнью, поскольку дело имело отношение к грубой скачке и лишениям.

Меня отправили в Аризону, чтобы поймать двух преступников, известных на американо-мексиканской границе контрабандистов.

После двухмесячной погони по диким горам средней и южной Аризоны я схватил обоих у Горы Спасения на границе с Мексикой и посадил в тюрьму. Затем я вышел из игры и вернулся в Денвер.

В тоже время меня отправили на большой процесс на территории Аризона. Боролись два гиганта добывающей промышленности, и денег было использовано столько же, сколько песка на океанском пляже. На нашей стороне были другие сыщики, но я играл главную роль.

Было два процесса – один в Прескотте, а второй в Тусоне, и я никогда раньше не видел такой коррупции в суде. Моё чувство справедливости восстало бы, если бы обе стороне не были коррумпированы до мозга костей. Весь вопрос заключался в том, кто даст больше денег присяжным.

Национальное детективное агентство Пинкертона заявляет, что оно никогда не препятствует правосудию и не загрязняет наш общественный строй, но это неправда.

Чтобы проиллюстрировать, как подкупались присяжные, я расскажу о тусонском деле. Обе стороны думали, что «договорились» с присяжными, но когда всё раскрылось, и дело перешло в руки присяжных, оказалось, что обе стороны ошибались. Противник подкупил приставов, поэтому имел доступ к присяжным, а мы – нет.

Поздно вечером я получил сведения о том, что противник взял из банка десять тысяч долларов, чтобы ночью подкупить присяжных. Разумеется, наши клиенты не могли ничего сделать, поскольку доступ к присяжным был только через главного пристава.

После полуночи, когда присяжные разошлись, и дело обернулось против нас, ко мне пришёл один рабочий с фабрики. Он со слезами принялся объяснять, почему изменил нам. Он сказал, что после ужина старшина присяжных, который, кстати, был окружным чиновником, посоветовал каждому присяжному сходить в туалет. Пошли все, кроме моего собеседника. Потом прошло голосование, и за нас был только один голос. Старшина начал умолять нашего человека сходить в туалет. Тот пошёл и увидел намного больше денег, чем мы ему обещали, и это его подкосило. Он взял наличные и проголосовал против нас. Я мог

утешаться только тем, что остаток ночи помогал потратить эти грязные деньги.

Такова чистота Национального детективного агентства Пинкертона и западных судов.

Я всегда думал, не работало ли Национальное детективное агентство Пинкертона в этом деле на обе стороны. Я слышал, что они проделывали такие трюки.

Вскоре после этого главный детектив противной стороны стал доверенным оперативником в денверской конторе. Он мог работать на агентство и в Прескотте и Тусоне.

Агентство знает много своеобразных способов добывать и тратить всемогущие доллары.

На этой лихорадочной операции я провёл восемь месяцев под именем Лероя Дэвиса.

Моя следующая операция была делом о краже руды в Лейк-Сити (Колорадо). Здесь я получил уроки производства пробы для участия в величайшей краже руды на Западе. Руда стоила десять долларов за фунт и её увезли в вагоне. Конечно, я был среди воров.

Я работал над этим делом два месяца, а затем приехал оперативник С., который помогал мне бороться с москитами на Аляске, и помог закрыть дело.

Из-за того, что местные суды находились в руках популистов, было решено не предъявлять иска, а вместо этого шахту закрыли, а сто пятьдесят шахтёров уволили. После того, как шахта открылась с другими рабочими, доходы от продажи увеличились на тридцать тысяч долларов в месяц, и это показывало, что раньше эти деньги каждые тридцать дней воровались.

Когда выяснилось, что я сыщик, то вагонетка, гружённая обогащённой рудой, была брошена в ревущую реку, которая текла через город.

Глава X. В роли преступника. В погоне по Мексике за королевским сыном. Поиски засольщика шахты в Британской Колумбии

Тогда меня отправили на ковбойскую операцию в Уэт-Маунтин-Вэлли в Колорадо, и до окончания работы я побывал и в северной части Нью-Мексико.

Затем меня отправили в Крипл-Крик (Колорадо), чтобы расследовать кражу из богатой шахты. Я построил хижину на вершине Булл-Хилл посреди подрывников Булл-Хилла. Я встретил много старых врагов из Кёр-д'Алена (Айдахо), но только один из них узнал меня, и я устроил всё так, чтобы мою личность не раскрыли.

Через несколько месяцев я узнал, куда сбежали трое из семерых директоров компании с золотой рудой и слитками на полмиллиона долларов.

После выступления в суде Колорадо-Спрингс в качестве свидетеля я скрылся из виду. Четверо из директоров, которые не участвовали в кражах, отблагодарили меня, и заткнули дыру, откуда утекало золото.

Снова на мою долю выпала бродяжническая операция на железнодорожной сети на Северо-Западе. Моя работа проходила в штатах Юта, Вайоминг, Монтана и Орегон. Во время этой многомесячной операции я узнал столько всего о жизни бродяг, что хватит на целую книгу.

Вернувшись в Денвер, я превратился из бродяги в богатого владельца шахты из Мексики. Моё вымышленное имя должно было указывать на моё французское происхождение.

Дело касалось процесса о крупной шахте, и я провёл три месяца в развлечениях и роскоши. Я выиграл дело для наших клиентов и в качестве награды получил похлопыванье по спине со словами: «Хороший и честный слуга».

Хорошо после бродяги стать обеспеченным бездельником, но пусть это случится другим путём.

Сейчас я стал ковбоем-преступником и отправился в штат Небраска, чтобы подружиться с жителем городка Бенкелман, которого подозревали в хладнокровном убийстве. Мы подружились и на наших бронко поскакали в страну вечного солнца – Нью-Мексико.

После нескольких месяцев трудностей я добился нужного

признания, а также признания в других злодеяниях. В итоге мой приятель оказался в суде в Бенкелмане (Небраска), где я был главным свидетелем, а он получил пожизненное заключение.

Следующая ковбойская операция провела меня через Индейскую территорию и весь штат Техас в Санта-Фе (Нью-Мексико). Я проскакал шестьсот миль по пустыням, равнинам и горам и разоблачил одну из самых ловких краж скота.

Затем я отправился в дикие места Британской Колумбии, вооружённый фотографией разыскиваемого сына банкира из Иллинойса. После нескольких трудных месяцев в заснеженных горах Севера я посадил моего человека в тюрьму в шахтёрском лагере Гринвуд-Сити (Британская Колумбия).

Затем была погоня по всей Мексике, от одного края до другого за Леоном Каррье – королевским сыном тогдашнего члена канадского парламента. Его милость украл тридцать вагонов товара у одной крупной железнодорожной компании Канады. Наконец, после долгой погони через Мексику я посадил моего человека за решётку в Денвере.

Я изменил своё имя и вошёл в доверие к одному его родственнику. Через неделю-две я получил признание о том, что десять тысяч долларов, вырученные от продажи добычи, хранятся в банке Ганнисона (Колорадо). Тогда я вышел из игры.

Отец Каррье нанял видного денверского адвоката, чтобы его сына не выдали Канаде. Но он не учёл, что с некоторыми адвокатами можно «договориться».

Разумеется, у меня есть только предположения о том, как велось это дело, да намёки, полученные от моего управляющего.

Молодого человека вернули в Канаду, чтобы он ответил за кражу тридцати вагонов товара у крупной железнодорожной компании.

На мою долю выпало ещё одно путешествие в Британскую Колумбию.

Детективы из Национального детективного агентства Пинкертона в Сан-Франциско пытались найти мистера Х., который посолил шахту в Мексике и получил за неё большую кучу золота от богатого калифорнийского горнопромышленника. Они работали с родственниками жены мистера Х. и просматривали почту в городах Газелл и Монтегью у подножья горы Шаста в округе Сискию (Калифорния), но без успеха. Было известно, что мистер Х. взял свою жену и улизнул в Британскую Колумбию, но никто не знал, куда именно.

Для начала мне приказали найти у озера Кутеней человека, имя которого было похоже на имя засольщика шахты.

1 декабря я оказался в Нельсоне (Британская Колумбия) и

поплыл на пароходе в Сандон и Касло, затем в верховья озера, где началось моё путешествие по суше.

Рассказ о том, какие игры играла со мной ртуть, упавшая до сорока градусов ниже нуля, займёт слишком много места.

В форте Стил я понял, что джентльмен, имя которого было похоже на имя засольщика шахты, не тот, кого мы ищем. Я почесал в затылке, чтобы решить, что теперь делать – бороться с метелями на морозном Севере или ехать в Калифорнию и начать работу с родственниками жены мистера Х. У других с этим ничего не вышло.

В сонном городке Газелл (Калифорния) я несколько дней жарил себе ноги у открытого камина на ранчо богатых братьев Эдсонов. Затем в Монтегью я обдумывал план, как взять штурмом загородный дом состоятельного скотовода, который был женат на свояченице моего человека.

Я решил сделать вид, что хочу купить ранчо и скот мистера Фатти. Я боялся, что он может быстро мне отказать, и мне нужно было остаться на ночь, чтобы он не мог избавиться от меня до утра.

После беготни с огромной сибирской гончей на заднем дворе, я с револьвером в руке оказался внутри уютного дома мистера Фатти и его очаровательной молодой жены. Я вошёл без приглашения, чтобы спастись от острых зубов разъярённого пса. Я оставался здесь достаточно долго, чтобы войти в доверие к леди, которая по секрету рассказала мне о том, что её зять, мистер Х. со своей женой, её младшей сестрой, живут возле индейской деревни Алберни (Британская Колумбия), на западном берегу острова Ванкувер.

Не желая терять подходящую возможность и подчиняясь здравому смыслу, я отправился в Сан-Франциско, чтобы съесть добрый рождественский ужин и несколько дней отдохнуть в этом шумном городе.

В столице Британской Колумбии Виктории я сел на пароход и поплыл к проливу Алберни, что на западном берегу острова Ванкувер. В индейской деревне Алберни я узнал, что мой человек, мистер Х. работает на шахте в горах в двадцати милях к югу. По разработанному плану я скоро стал гостем в милом доме мистера Х. на острове в Тихом океане, и почувствовал себя своим в окружении его прелестной жены и юной сестры. Через месяц мистер Х. и его семья переехали в шикарный отель в Виктории. Тогда я занялся делом в Виктории. Ранней весной я успешно завершил работу и вернулся в Денвер (Колорадо).

Далее нам с Билли С. приказали заняться делом о краже руды в Солт-Лейк-Сити (Юта). В этом городе у Солёного озера мы

провели несколько месяцев и помогли банде, кравшей обогащённую руду, истребить тонны алкоголя. Мы разоблачили банду для наших клиентов и получили их благодарность за хорошую работу. Затем мы отправились в Денвер, Королевский город равнин. Мне снова досталась крупная железнодорожная операция.

С ковбойским седлом, шпорами и т. д. и со свёрнутым одеялом я появился в городке на границе Техаса и Мексики, выдавая себя за торговца лошадьми. Скоро я подружился с братом главного управляющего, он был сотрудником железнодорожной компании, и через несколько месяцев я разоблачил крупную воровскую сеть, в которую входили сотрудники железной дороги. Хотя главный управляющий оказался невиновен, но его любимый брат был заводилой этой банды.

Покончив с этой работой, я имел удовольствие посетить Сан-Антонио, Хьюстон и Форт-Уорт (Техас), излюбленные места моих ковбойских стоянок.

Одной из моих крупных операций была роль преступника в горнодобывающем округе Крипл-Крик (Колорадо).

За несколько месяцев до этого мистер Макпарланд отправил своего отборного оперативника Билли С. в округ, чтобы тот вошёл в доверие к Джорджу Шолу и его банде похитителей руды и убийц. Но Шол был слишком хитёр и не попался в ловушку. Он подозревал Билли С. и сделал перерыв в кражах.

Чтобы показать, как известный преступник суёт свою голову в петлю, я немного расскажу о деталях этой операции.

Наутро после своего приезда в городок Виктор я увидел, как Джордж Шол – рослый, крепкий мужчина средних лет – в компании с крутыми на вид друзьями идёт в салун Джема, который был известным сборищем преступников.

Я последовал за ними в салун, но нигде их не увидел. Пройдя в заднюю комнату, я обнаружил двух мужчин, которые сидели за столом и вели серьёзный разговор. Но когда я сел за соседний столик, их рты захлопнулись, как створки моллюсков.

Я позвонил в колокольчик, и вошёл бармен. Я заказал чистое виски, затем обернулся к Шолу и его высокому компаньону – в плохо освещённой комнате не было других посетителей – и спросил, что они будут пить. Бульдожье лицо Шола нахмурилось, и он отозвался в оскорбительном тоне: «Нет, чёрт возьми, мы не пьём с незнакомцами».

Я ответил в таком же тоне: «Ну, и не надо; просто я же вижу – вас жажда мучает».

Выпив стакан пойла, я собирался уходить. Тут Джордж Шол сказал более дружелюбно: «Ты не обижайся, что мы с тобой не

пьём. За мной два месяца следили детективы, и я никому не доверяю».

Я принял его извинения, попрощался и вышел.

Следующие два дня я только наблюдал за передвижениями Шола.

Однажды вечером он со своим подельником Уилсоном собрался повеселиться. Они приехали из Олтмена на Булл-Хилле, где они жили, чтобы напиться.

Около полуночи они ввалились в танцевальный зал «Редлайт», где танцевали и пили с девочками. Я делал то же самое.

После одного из танцев мы все пошли в бар, чтобы выпить.

Вместе со своей партнёршей Нелли Тейлор я придвинулся к Джорджу Шолу, который пил чистое виски.

Бросив двадцатидолларовую монету на стойку и ударив Шола по плечу, я сказал: «Эй, дружище, теперь не хочешь выпить? Помнишь, ты отказался пить со мной в салуне Джема?»

Он ответил, глядя мне прямо в лицо: «Ага, отказался». Тут я заметил, что нам надо перекинуться словом наедине. Двадцатидолларовая монета осталась лежать на стойке, а мы оба ушли в другой конец зала, и я тихим голосом сказал: «Ты не пьёшь со мной, потому что детективы следили за тобой два месяца; ну, а за мной детективы следят многие годы, и пусть тратят на меня свои деньги. Единственный способ победить их в этой игре – держать рот закрытым и не выдавать своих тайн».

Хлопнув меня по плечу, он сказал: «Кажется, дружище, ты свой парень». Затем мы вернулись к стойке, и он познакомил меня со своим приятелем Уилсоном.

Тогда мы заставили Рим взвыть. К утру нас искала полиция.

Когда два моих компаньона сели на трамвай до Булл-Хилла, я разрядил свой кольт в воздух, чтобы привести сюда полицию. До того, как трамвай уехал, Шол и Уилсон увидели вспышки пламени. Они поняли, что я собираюсь сделать.

С дымящимся револьвером в руке я поторопился к задней лестнице гостиницы, где я остановился. Войдя в комнату, я бросил разряженный револьвер под шкаф и лёг в кровать.

Шахтёр, идущий со смены, видел, как я стрелял и убегал по лестнице. Он рассказал всё мэру, миллионеру Джимми Дойлу и отряду полицейских, которые всполошились, услышав шесть выстрелов подряд.

В итоге мой замок взяли штурмом, револьвер нашли, а меня бросили в камеру.

Это было на рассвете. Хвастун Джек, хозяин танцевального зала «Редлайт» услышал о моей беде и заплатил за меня залог.

Было воскресенье, и я провёл целый день, обрабатывая достопочтенного судью, который должен был судить меня в понедельник утром. Я уже знал, как «договариваться» с судебными чиновниками, и сейчас всё оказалось просто, хотя я не раскрыл свою личность.

В понедельник утром судья оштрафовал меня на двенадцать долларов, не считая судебные издержки, за стрельбу в Викторе – преступление против достоинства его граждан.

В 3 часа дня достопочтенный судья встретился со мной в салуне и, как было заранее условлено, вернул мне двенадцать баксов.

Короче говоря, через пять дней после приезда в богатый лагерь в округе Крипл-Крик я получил полное признание от Джорджа Шола и Уилсона о том, как они украли из шахты Рассела золотую руду на две тысячи долларов, кому они её продали и прочее.

Джордж Шол, ранее известный взломщик сейфов, признался во многих преступлениях, которые он совершил вместе с прославленным преступником Джимом Кларком, некогда городским маршалом в Теллурайде (Колорадо).

Шол познакомил меня с одним из своих подельников, Маккарти, который вместе с шефом полиции Виктора управлял пробирной конторой и как будто не замечал, что руда краденая. Маккарти покупал у меня краденую руду, поскольку Шол убедил его, что я свой парень.

Когда я стал членом банды, я начал вторую операцию для Уина Бойнтона, шерифа округа Эль-Пасо. Я расследовал ограбление салуна в Голдфилде, где был убит один человек и ещё один ранен.

После того, как я получил полное признание в убийстве от Лысого Боба, одного из приятелей Шола, я сам чуть не погиб, и моё тело сбросили в старую шахту. То-то было представление, когда однажды вечером я встретил Лысого Боба в доме Нелли Тейлор в Крипл-Крике. Эта грубоватая танцовщица сообщила мне о заговоре против меня, поскольку не верила, что я опустился до того, чтобы стать сыщиком. Детектив по имени Хокинс узнал меня и сообщил обо мне банде.

В итоге Шол, Уилсон и Лысый Боб были посажены в тюрьму в столице штата Колорадо-Спрингс.

Когда закончился суд, где окружной прокурор Макалистер был обвинителем, а я главным свидетелем, Шол и Уилсон получили по шесть лет, а Лысый Боб – пожизненное, за убийство.

После того, как Шол сел в тюрьму, он выпрыгнул из окна второго этажа и сломал ногу. В таком состоянии он доковылял до

Булл-Хилла. Через несколько дней его схватили и вернули в тюрьму. Могу поспорить, что теперь-то Шол последует моему совету и больше не будет выдавать своих тайн незнакомцам.

Глава XI. Два дела о засолке шахт. Дело о краже слитков

В следующей операции в городе с широкими улицами и симпатичными девушками, Солт-Лейк-Сити (Юта) я наслаждался жизнью. Это было дело о краже слитков у крупного металлургического предприятия. Чтобы разоблачить эти кражи, я должен был сыграть роль преступника и вообще негодяя. Я стал членом самой опасной банды воров и грабителей из тех, что позорили цивилизованные страны.

Я провёл на этой операции несколько месяцев, а затем вернулся в Денвер (Колорадо) ждать следующую операцию.

Конечно, находясь в Денвере, я занимался городской работой. Чтобы проиллюстрировать, что такое городская работа, расскажу об одном деле. Я ещё не успел отдышаться после возвращения в город, как управляющий Фрэнк К. приказал мне поработать с богатой вдовой, владевшей шикарным домом в южном Денвере, и добиться от неё определённого признания.

Агентство уже месяц пыталось получить это признание, но миловидная, хитрая вдова отказывала всем сыщикам, которые хотели войти к ней в доверие.

Для начала я поехал на загородное ранчо, которым владела эта леди. Здесь я встретил начальника и спросил, не могу ли я оставить у них на ранчо сотню вайомингских лошадей на зиму. Поскольку у него было много корма, он сказал, что это возможно, но для начала ему нужно поговорить с леди, которая владеет ранчо. Торопясь вернуться в Вайоминг, где мои лошади были якобы согнаны для отправки в Денвер, я настоял на том, что хочу сам увидеть эту леди. Он дал мне адрес её дома.

Вдова покрылась краской и тысячу раз извинилась, когда лично открыла мне дверь, одетая в просторное платье с закатанными до локтей рукавами. Она пыталась отложить встречу на другой раз, но я умолял, что это важное дело нужно закончить сегодня же, чтобы я смог успеть на вечерний поезд до Шайенна (Вайоминг).

Она согласилась, чтобы мой табун зимовал у неё за определённую цену, и сделка была совершена. Но моя тонкая работа только началась. Я взял со стола одну из её фотографий и начал ею восхищаться. Скоро мы сидели на ковре, как два школьника, и на её коленях лежала большая стопка фотографий. Разумеется, она показала мне изображения своего старого восточного дома и самой себя, когда она была цветущей

девушкой. Разумеется, через час я получил нужное признание, которое, вероятно, означало для неё потерю всего состояния, поскольку дело позднее попало в суд.

Бедняжка так и не увидела мой табун. Разумеется, это был грязный ирландский трюк, но такова жизнь сыщика.

Одна из моих операций привела меня в Миенас-Приетас (Мексика). Я должен был найти золото стоимостью двадцать тысяч долларов, похищенное из золотообогатительной фабрики этого богатого лагеря. Часть времени я провёл в портовом городе Гуаймас и в Эрмосильо – столице штата Сонора.

После нескольких месяцев спокойной роскошной жизни я нашёл золото в свалке шлама, куда оно попало по небрежности одного из работников фабрики.

Это положило конец моему проживанию в шикарных отелях, где я заказывал по два десятка устриц за раз.

Когда я приехал в Денвер, я получил ещё одно дело о засолке шахты в Прескотте (Аризона). Я работал по заказу английский компании.

Сюда я приехал с двумя партнёрами, чтобы разрабатывать золотую шахту на Грум-Крик к югу от города. Через несколько месяцев у меня было достаточно доказательств, чтобы понять, кто посолил шахту перед тем, как продать её английской компании по высокой цене. Тогда я решил добиться признания от одного из виновных.

Ранней весной, когда улицы Прескотта были завалены снегом, мы с Алексом Г. отправились в увеселительную поездку в Южную Калифорнию за мой счёт. Мы провели месяц в Лос-Анджелесе и Сан-Диего, заезжая на все курорты вдоль побережья.

Я получил полное признание о том, как Алекс Г. и владелец бесполезной шахты посолили её и обманули немецкого эксперта, отправленного из Лондона для осмотра собственности. После этого нас арестовали. В суде Лос-Анджелеса мы оба выступили свидетелями, и в итоге несчастный Алекс Г. сломался и полностью признал вину. Моя работа закончилась, и я вернулся на мощёные улицы Денвера (Колорадо).

Затем мне дали ещё одно дело о засолке шахты у города Силвертона в юго-западной части Колорадо. Я работал на ту же английскую компанию. Эта засоленная шахта называлась Баттерфлай, а та, что в Прескотте – Джерси-Лили. Тот же немецкий эксперт дважды попался на одну и ту же удочку.

Через несколько месяцев, проведённых в Силвертоне, я раскрыл весь план. Тогда немецкий эксперт поклялся, что он и его компания больше никогда не будет иметь дел с чёртовым американским континентом.

Далее меня отправили на угольное месторождение в южном Колорадо, чтобы присоединиться к бастующим шахтёрам. Я работал во всех шахтёрских лагерях возле городов Тринидад, Уолсенбург и Флоренс.

Эта операция плохо сказалась на моём изнеженном желудке, поскольку мои товарищи были, в основном, мексиканцы и иностранцы. Кроме того, я считал, что они правы. Люди, которые рискуют жизнью всякий раз, когда они входят в угольную шахту, должны получать вдвое больше того, что они получают. Поэтому я с неохотой сообщал об их угрозах в адрес алчной корпорации, которая обращалась с ними, как с рабами. Я действительно обрадовался, когда эта многомесячная операция закончилась, и я вернулся в Денвер и надел на себя хорошую одежду.

Глава XII. Работа в Дикой банде в роли преступника

Затем мне выпала напряжённая четырёхлетняя операция. Мне и оперативнику С., который был со мной на Аляске, приказали выследить двух грабителей поездов, которых видели в южном Вайоминге направляющимися на юг. Могущественная железнодорожная компания наняла Национальное детективное агентство Пинкертона, чтобы уничтожить эту банду грабителей.

Мы с оперативником С. приехали на поезде в Солт-Лейк-Сити (Юта). Здесь мы приобрели верховых лошадей и снаряжение, необходимое для долгой скачки. Мы выехали из Солт-Лейк-Сити в форт Дюшен, что в двухстах милях к востоку. Мы сидели на хороших лошадях, у каждого была вьючная лошадь, которая везла еду и постельные принадлежности. К нашим сёдлам были приторочены последние модели ружей Винчестера, а на поясах висели широкие патронташи и кольты 45-го калибра. Наши карманы разбухли от большого запаса наличных. От форта Дюшен мы поскакали на юг по следам двух грабителей и предполагаемых убийц шерифа Хейзена из Вайоминга. Мы проскакали пять тысяч миль и оказались у Денди-Кроссинг на реке Колорадо в одной неделе езды от двух грабителей.

Джонни Хайт, который держал станцию у Денди-Кроссинга, сообщил нам, что он перевёз через реку двух вооружённых людей на своей лодке и помог переплыть на другой берег пятнадцати верховым лошадям. Затем он сказал, что за несколько дней до нашего появления реку пересёк вооружённый человек с пятью верховыми лошадями. Этот одинокий преступник спрашивал его о двух компаньонах, что проехали перед ним. Он рассказал Хайту, что едет туда, где хорошая трава, и останется там, пока не получит весточку от своих приятелей. Из описания было понятно, что это не кто иной, как знаменитый убийца и грабитель Кид Карри, настоящее имя которого Харви Логан.

За рекой Колорадо нет никаких ранчо или поселений на двести миль к югу и сто двадцать миль к востоку, нет никаких троп или караванных дорог, и местность очень неровная. Мы выслеживали одинокого грабителя до каньона Уайт, пока не потеряли его следы на вершине каменистой столовой горы. Затем мы нашли следы большой группы лошадей.

После многих дней лишений, иногда без воды мы оказались в мормонской деревне Блафф-Сити (Юта) на реке Сан-Хуан в ста двадцати милях к востоку от Денди-Кроссинга. Проезжая по этой

неровной, бескрайней местности, мы не видели ни одного человеческого лица. Наши два человека с тридцатью лошадьми, которых они гнали перед собой, однажды ночью остановились в Блафф-Сити, а затем направились на северо-восток, в Нью-Мексико и Колорадо. К тому времени мы уже знали, что эти люди принимали участие в ограблении поезда в Вайоминге, поскольку они расплачивались неподписанными банкнотами, украденными при ограблении.

В Манкосе (Колорадо) на Денверской и Рио-Грандской железной дороге мы пустили наших заезженных лошадей на выпас, а сами с сёдлами, постельными принадлежностями и ружьями поехали на поезде в Дуранго (Колорадо). Отсюда мы пошли по следу на нанятых верховых лошадях и повозках, часто делая длинные переезды на поезде. В Ламбертоне (Нью-Мексико) мы потеряли след. Оперативник С. поехал на север к Пагоса-Спрингс, а я на двести миль к югу, в горнодобывающий округ Кочита (Нью-Мексико).

Наконец мы вышли на след в Моссо-Пасс и в Уэт-Маунтин-Вэлли в Колорадо, где снова его потеряли. Здесь С. по ложному следу поехал на север в шахтёрский лагерь Крипл-Крик, а я отправился на восток. Там, где нельзя было нанять ни лошадь, ни повозку, я прошёл пешком целый день и нашёл след, ведущий к реке Арканзас. Два человека и группа лошадей, две из которых были очень примечательны (одна серо-пегой масти, другая – кремовой), прошли через Гарден-Сити, Додж-Сити, Кингмен и Уичиту (Канзас), затем на юг через Колдуэлл и по Индейской территории, затем на восток в Арканзас-Сити и на север к Уинфилду, на восток к Коффивиллу (Канзас) и снова по Индейской территории.

В Маскоги (Индейская территория) ко мне присоединился оперативник Артур Спархок, которого отправили из Денвера занять место С. Он был в Монтане по тому же делу. Мы поехали в штат Арканзас до форта Смит и продолжили путь на восток к знаменитому Хот-Спрингсу. Здесь мы потеряли след. Я обшарил горы неподалёку, а Артур Спархок пошёл по ложному следу и преследовал каких-то преступников до Нэшвилла (Теннесси). Он телеграфировал мне, чтобы я немедленно приезжал. Я так и поступил, но скоро обнаружилось, что люди, которых он преследовал, были не те, что нам нужны, хотя они, очевидно, были преступниками.

Я был хорошо вознаграждён за путешествие в Нэшвилл, поскольку за своё короткое пребывание в этом городе я увидел больше симпатичных девушек на квадратную милю, чем где бы то ни было.

Здесь Артур Спархок заболел малярией и вынужден был вернуться в Денвер, а я поехал обратно в Хот-Спрингс (Арканзас) и наконец нашёл след, ведущий в город Литтл-Рок. Оттуда я шёл вниз по реке Арканзас через болота почти до устья реки. Возле лесопилки я обнаружил место, где грабители сделали остановку на ночь, а затем передали всех лошадей одному длинноволосому типу по имени Лакаттс, у которого были сыновья-преступники. Верхом на прекрасных лошадях – серо-пегой и кремовой – два грабителя поехали на север. В Кларендоне на Уайт-Ривер они свернули на восток, у Хелены (Арканзас) пересекли Миссисипи и попали в штат Миссисипи. Они проехали сто миль на восток через чёрный пояс, где негров больше, чем мух над бочкой с сиропом в августе, затем сто миль на юг, затем опять на запад к реке Миссисипи до лодочного причала выше города Роуздейл. Здесь они отдали своих лошадей старому негру, который исчез с ними в болотах. Затем они наняли негра, чтобы тот перевёз их на лодке через Миссисипи до устья реки Арканзас в штате Арканзас. Два преступника остались на одну ночь в посёлке лесорубов. Наутро один из них купил лодку и поплыл вверх по реке Арканзас, а второй на маленьком пароходике «Ту Бразерс» отправился вниз по Миссисипи. Они договорились встретиться через две недели в некоем неназванном месте. Я был от них в двух неделях пути, так что оказался в трудном положении. Я чесал затылок и думал, как снова выйти на их след. Я телеграфировал обо всём в Денвер, и мне приказали торопиться домой, чтобы присоединиться к оперативнику С. в Монтане и получить кое-какие сведения о знаменитых братьях Карри – Киде и Лоуни и их кузене Бобе Карри, а затем поехать в Маленькие Скалистые горы в северной Монтане и вступить в Дикую банду.

В Хелене, столице Монтаны, я провёл два приятных дня с оперативником С. и его другом мистером Н. П. Уолтерсом из Детективного агентства Уолтерса.

Я привёз для С. распоряжение ехать в Сан-Франциско (Калифорния), чтобы возглавить Национальное детективное агентство Пинкертона в этом городе. Место было предложено мне, но я отказался, поскольку знал, что совесть не позволит мне стать управляющим агентства в большом городе, где меня ждёт так много грязной работы. Я решил, что лучше остаться сыщиком и вдали от начальства вести себя так, как мне хочется.

Поскольку моя цель – уложить четыре года напряжённой работы в одну главу, мне придётся поспешить и рассказать обо всём кратко.

Я играл преступника из Техаса, чтобы получить информацию о личностях и местонахождении нужных нам людей. Меня не

должны были узнать, и я не должен был прикасаться к добыче.

В феврале я купил бронко в Грейт-Фолсе (Монтана) и проскакал двести пятьдесят миль по бедленду в Маленькие Скалистые горы сквозь разъярённую метель.

Теперь меня звали Ч. Л. Картер, и я жил в деревне Ландаски. Именно здесь много лет назад знаменитый Харви Логан, он же Кид Карри, убил своего первого человека – старика Пайка Ландаски, в честь которого был назван этот городок. Кид Карри владел половиной ранчо в четырёх милях от Ландаски, где паслись пятьсот чистокровных лошадей. Его партнёром был Джим Т., который был преступником в те дни, когда знаменитый Сэм Басс со своей бандой ограбил в Небраске поезд «Юнион Пасифик», захватив шестьдесят тысяч долларов золотом. Всех членов банды Сэма Басса убили или поймали, сбежал только один юнец по имени Дэд Джексон. Я узнал, что Джим Т. – это не кто иной, как Дэд Джексон.

Умело обращаясь с лассо и помогая Джиму Т. клеймить жеребят, я снискал расположение его и подружки Лоуни Карри. Скоро они начали мне доверять и делиться со мной некоторыми тайнами.

Вскоре Национальное детективное агентство Пинкертона отправило своих людей в Додсон (Миссури), что возле Канзас-Сити, и окружило дом миссис Ли – матери Боба Ли, он же Боб Карри. Когда Лоуни Карри пытался спастись, его застрелили в голову. Немного позже в Крипл-Крике (Колорадо) схватили Боба Ли, он же Боб Карри, и в Шайенне (Вайоминг) его приговорили к десяти годам заключения за ограбления и использование краденых денег.

Во время моего многомесячного пребывания в Маленьких Скалистых горах я был частым гостем в доме Джима Т., где он учил своего единственного ребёнка, что надо следовать по стопам Харви Логана – человека, в честь которого мальчик был назван Харви Т.

Однажды, уезжая от Джима Т., я запутался в бронко, которые были запряжены в телегу, и чуть не погиб. Это случилось в горах, в пяти милях вокруг не было ни души. Пролежав целый день без сознания на горячем июньском солнце, я сумел доковылять до ранчо Джима Т., где получил помощь.

Ранней осенью я пустился в горы Сьерра-Мадре в Мексике, чтобы выяснить, где находится печально известный Плосконосый Джордж Карри, член банды Кида Карри. Вскоре после этого Плосконосый Джордж Карри был убит, когда пытался спастись от ареста.

Моим следующим трюком была тысячемильная скачка от

Гранд-Джанкшена (Колорадо) до Алмы (Нью-Мексико). В Гранд-Джанкшене я купил хорошую верховую лошадь и вьючную лошадь и поехал на юг по следу Кида Карри и Высокого Техасца (Фитцпатрика), который теперь отбывает пятнадцатилетнее заключение.

Я появился в Блю-Маунтинс в южной Юте через день после двух преступников. Они тут же затерялись в диких зарослях у реки Колорадо.

После того, как я провёл некоторое время с бандой преступников у Индиан-Крик, я поехал в мормонский город Монтичелло вместе с преступником по имени Пеглег. От него я получил достоверную информацию о Дикой банде. Недавно он готовил запасы еды для Кида Карри и Высокого Техасца. Они сказали ему, что собираются на юг, где более подходящий климат для их одежды. У меня не было шанса узнать, куда они поехали, поскольку на тысячи миль к югу нет никаких следов поселений.

Из Монтичелло я поехал на юго-восток в Блафф-Сити, оттуда на запад к Денди-Кроссингу на реке Колорадо через стодвадцатимильную необитаемую пустыню. Оттуда на север к Хэнксвиллу и на запад к Сёрквиллу (Юта), где я работал с очаровательной сестрой знаменитого преступника Бутча Кэссиди, мисс Паркер, которая была заместителем начальницы почтового отделения в этой бедной деревушке. Затем я поскакал на юг к Лис-Ферри в Аризоне и через индейские резервации навахо и моки до Алмы (Нью-Мексико), что у границы с Мексикой. Алма (Нью-Мексико) была южным местом встречи Дикой банды, а Дыра-В-Стене в Вайоминге была их северной твердыней. Между этими двумя местами было две тысячи миль дикого скотоводческого края. В определённых местах на дороге были устроены тайные почтовые ящики – щели в скалах, куда вкладывались письма и вырезки из газет, чтобы члены банды могли их прочитать во время путешествия. Так они сообщались друг с другом.

После нескольких месяцев в Алме, где преступник Бутч Кэссиди под вымышленным именем Джим Лоу четыре года содержал салун, я отправился в Палисейд (Колорадо), где познакомился с членом Дикой банды по имени Джим Ф. Мы с ним поскакали в Вайоминг. Тогда я использовал имя Лерой Дэвис.

Затем я провёл шесть месяцев в Ролинсе (Вайоминг) под именем Гарри Блевинса и за эти шесть месяцев несколько раз ездил с членами Дикой банды в разные места. Наконец под именем Чарльз Т. Ллойд я отправился на впадину Бигхорн в северном Вайоминге. В Термополисе я снискал расположение

Тома О'Дэя и других приятелей Кида Карри. Через шесть месяцев я проехал обратно через Ролинс (Вайоминг), Гранд-Джанкшен и Палисейд (Колорадо), оттуда в Санта-Фе (Нью-Мексико), чтобы навестить Элзу Лея, он же Боб Макгиннис, одного из приятелей Кида Карри и Дикой банды, который отбывал пожизненное заключение. Скоро его освободили, поскольку Бутч Кэссиди, Гарри Лонгбау и Билл Карвер ограбили Первый национальный банк в Уиннемаке (Невада) и взяли тридцать две тысячи долларов золотом, которые использовали для того, чтобы добиться помилования Макгинниса.

Я вернулся в Гранд-Джанкшен (Колорадо) и вместе с членом Дикой банды Бертом Ч. поскакал в Ролинс (Вайоминг). Затем я отправился в Дуглас (Аризона) на границе с Мексикой, оттуда в Ганнисон (Колорадо), где я завершил четырёхлетнюю операцию, во время которой преодолел двадцать пять тысяч миль по железной дороге, пешком, в повозке и на лошади.

За эти годы большинство членов банды были убиты или посажены в тюрьму. Лоуни Карри и Плосконосый Джордж Карри, так же, как Билл Карвер, он же Фрэнкс, были убиты, пытаясь спастись от ареста. Подружки Боба Карри, Фитцпатрика и Кида Карри были отправлены в тюрьму. Кид Карри был арестован в Ноксвилле (Теннесси) после перестрелки с двумя полицейскими и получил пожизненный срок за ограбления. Мой друг Джим Т. из Маленьких Скалистых гор в Монтане приехал на процесс в Ноксвилл с большим запасом зелёных для смазки. Он дал шерифу восемь тысяч долларов, чтобы тот позволил Киду Карри сбежать по пути в тюрьму. Поэтому Кид Карри, Бутч Кэссиди и Гарри Лонгбау до сих пор остаются на свободе.

Кид Карри любит проливать кровь, а Бутч Кэссиди, наоборот, не любит. И тот, и другой – сорвиголовы, каких ещё не видел свет.

Глава XIII. Дело в Аризоне. В Кентукки среди самогонщиков

Моя следующая напряжённая операция была на реке Яки в штате Сонора (Мексика). Я поехал туда, чтобы найти преступника по заказу клиентов из Колорадо-Спрингс (Колорадо).

Часть времени я провёл в диком районе в сотне миль от железной дороги. Большинство моих невзгод были вызваны полудохлыми верховыми пони, от которых приходилось избавляться на ближайшей стоянке, в доме нищих мексиканцев или индейцев яки.

Моя работа привела меня в морской порт Гуаймас и в столицу штата, Эрмосильо, а также я заезжал в шахтёрский лагерь Кананеа.

Я узнал, что мой человек уехал из Мексики в Ногалес (Аризона). Тогда я передал дело в руки аризонских рейнджеров и вернулся в Денвер. Я пробыл дома несколько дней, когда получил телеграмму от капитана аризонских рейнджеров о том, что мой преступник схвачен. Так закончилась моя связь с этим делом.

В это время мне поручили дело о большом ограблении в Прескотте (Аризона). Окружной казначей Джим С. ограбил окружной сейф и затем запер себя в подвале, сделав вид, что его удержали здесь два незнакомца. На процессе Джима С. я заметил, что с присяжными «договорились», хотя на этот раз моё агентство не приложило к этому руку.

На четвёртом процессе этого техасского джентльмена Джима С. приговорили к длительному сроку заключения. Свои деньги он потратил на то, чтобы «договориться» с присяжными.

В следующей операции я открыл для себя новый мир.

Сына миллионера из Филадельфии (Пенсильвания) похитили в горах Виргинии и удерживали в горах Кентукки ради крупного выкупа.

Чтобы найти для этой работы подходящего оперативника, обыскали все конторы агентства в США. Меня выбрали как человека, который сумеет прожить среди этих самогонщиков и, если необходимо, останется у них, пока ад не замёрзнет.

Я задержался на один день в Чикаго, чтобы повидать Большое Око, как называли сыщики Уильяма А. Пинкертона, и других начальников агентства, а затем поехал на поезде в Филадельфию через Детройт (Мичиган), Ниагара-Фолс (Канада) и Буффало (Нью-Йорк).

В Городе братской любви я провёл несколько дней,

осматривая достопримечательности и совещаясь с управляющим Бирсом и одним из его помощников, мистером Эстином, который вёл это дело о похищении. Наконец мистер Роберт А. Пинкертон вызвал меня по телефону в Нью-Йорк, чтобы я посоветовался с ним перед тем, как отправиться в горы Кентукки.

Я встретился с мистером Пинкертоном в его кабинете в городе обмана и золотых долларов. Мы уже много раз виделись, и он оказал мне радушный приём. Я приятно удивился, когда увидел, что моя фотография висит на стене в этом громадном сыщицком логове.

Мистер Пинкертон рассказал мне о ловушках и опасностях пребывания среди кровожадных самогонщиков Виргинии и Кентукки. Он сказал, что почти невозможно внедрить к этим горцам детектива, который не вызвал бы у них подозрений. Моей главной целью, сказал он, было спасти жизнь молодого человека, если он ещё жив, и найти тело, если он мёртв. Он думал, что за такое преступление невозможно отдать кого-то под суд.

После обеда за счёт агентства с мистером Пинкертоном и его главным управляющим Джорджем Д. Бэнгсом в одном из шикарных театров я вернулся в добродушную, старую, сонную Филадельфию.

Скоро я выехал в Джексон (Кентукки), известный обычаем кровной вражды. Здесь я купил мула и начал стопятидесятимильное путешествие по ужасным дорогам среди самых своеобразных и самых невежественных жителей США.

За несколько дней до Рождества я приехал в Крафтсвилл, что в верховьях реки Кентукки, в сердце знаменитой кровной вражды Поттеров и Райтов, где жизнь не стоит и пека[3] кукурузы. К моему величайшему удивлению, Крафтсвилл не был даже деревней. Здесь стояла только ферма старой леди Би Крафт и её выводка сыновей и родственников, сплошь самогонщиков. Тем не менее, старая леди оказалась настоящим художником в деле прекращения драк и перевязывания ран, а самогон тёк непрерывным потоком.

Моя работа велась в округах Летчер, Перри и Нотт (Кентукки) и округе Уайз (Виргиния), на вершине великого Камберлендского хребта, разделяющего округа Летчер (Кентукки) и Уайз (Кентукки).

Рассказ о моих трудностях, о том, как я едва спасся от гибели и как банда пыталась изгнать меня из этой местности во время моего восьмимесячного пребывания в этих горах, займёт слишком много места.

Прошло совсем немного времени, когда стало понятно, что сын миллионера погиб. Кое-кто из банды признался мне, что его

убили назло, поскольку он был главой угольной компании в округе Уайз (Виргиния) и дурно обращался с кентуккийцами голубой крови.

Ранней весной тело нашли. Оно лежало на стволе упавшего дерева с пулей в сердце и с отрезанной правой рукой.

Судя по тому, что сказал мне мистер Эстин, смерть молодого человека произошла из-за оплошности Национального детективного агентства Пинкертона.

Вскоре после его исчезновения отец получил письмо из Сан-Франциско (Калифорния), где утверждалось, что его сын жив и будет освобождён за выкуп в сто пятьдесят тысяч долларов, и если отца это устраивает, он должен сообщить об этом до определённой даты в личной колонке в «Сан-Франциско Икземинер», иначе его сына убьют, и при этом отрежут правую руку, чтобы показать, что их угроза осуществилась. Старый седовласый отец отдал письмо Национальному детективному агентству Пинкертона. Он сказал, что готов заплатить требуемый выкуп, чтобы спасти жизнь сына. Начальники агентства решили, что письмо написал какой-то чудак, и ничего не предприняли.

По моему мнению, дело в том, что агентство не видело в таком исходе своей выгоды, поскольку после выкупа их работа прекращалась.

От того члена банды, который приложил руку к этому делу, я узнал, что у них есть родственники в тридцати милях от Сан-Франциско. Я даже читал письмо от одного их родственника из упомянутого города, и также я помог скрыть тело одного из родственников, который вернулся из Калифорнии. Его убили в бою, устроенном для того, чтобы уложить меня в могилу. В этом бою один человек погиб, и двое были ранены.

В течение восьми месяцев, которые я провёл в этих горах, было убито около тридцати человек, так что вы можете судить, насколько дёшево здесь ценится человеческая жизнь. Главная причина – употребление незаконно произведённого алкоголя.

В это время я несколько раз ездил в цивилизацию, однажды в Бристоль (Теннесси), затем в Ноксвилл (Теннесси), а также в Хантингтон (Западная Виргиния). Эти поездки, несомненно, имели целью обмануть клиента-миллионера. Управляющий Бирс или помощник управляющего Эстин сказали бы, что им нужно было встречаться со мной лично, за что клиент платил десять долларов в день, не считая расходов. Встречаясь с этими начальниками, я понимал, что для них это просто загородная прогулка, а агентство хочет денег. В этих совещаниях не было нужды, поскольку о своей работе я сообщал в отчётах, а они о своей – в письмах.

Было совершенно понятно, что этих убийц невозможно отдать под суд, не важно, насколько сильны будут доказательства, поэтому мне приказали прекратить операцию и возвращаться в Филадельфию.

Согласно приказу, я за счёт клиента несколько дней прожил в Вашингтоне, чтобы осмотреть достопримечательности столицы. Опять обман.

После нескольких дней в Филадельфии я поехал в Нью-Йорк, чтобы навестить мистера Роберта А. Пинкертона, и обнаружил, что он славный парень. Его единственная вина в том, что он связан с Национальным детективным агентством Пинкертона.

Перед моим отъездом из Нью-Йорка мистер Пинкертон разрешил мне посетить Всемирную выставку в Сент-Луисе. Он приказал мне поехать из Сент-Луиса в Чикаго и встретиться с его братом Уильямом, который, возможно, хотел поговорить о закрытом деле. Я так и поступил.

В Чикаго мистер Уильям А. Пинкертон попросил меня проскакать на его любимой верховой лошади до его дома и дать оценку её качествам, а также взглянуть на полдесятка его бульдогов.

Эти поездки означали дополнительные траты для клиента-миллионера, который был слишком огорчён потерей сына, чтобы их заметить. Даже моё посещение Всемирной выставки было оплачено или агентством, или клиентом. Я не знаю, кто занёс эти расходы в счёт.

Так закончилась самая интересная операция в моей карьере. Это было в 1904 году.

Глава XIV. Ковбойская операция в Орегоне. Работа против сенатора Смута

Одна из моих крупных операций была направлена против Церкви мормонов и против попытки сенатора Рида Смута занять место в Сенате. Клиентами были могущественная религиозная организация, а руководил работой священник из Солт-Лейк-Сити (Юта).

Для этой работы в Юту были отправлены несколько оперативников и помощник управляющего Мюррей, который был ответственным за операцию. Штаб-квартира находилась в отеле «Нью-Виндзор» в Солт-Лейк-Сити. Мои отчёты показывали, что сенатор Смут – честный, высоконравственный человек с единственной женой. Это не подходило помощнику управляющего Мюррею, который ранее занимал высокий пост в чикагской конторе. Он заставлял меня изменить отчёты и представить сенатора Смута и других мормонских руководителей хуже, чем они есть. Он говорил, что операция закончится, если клиенты поймут, что нет возможности помешать Смуту занять место в Сенате, и что в интересах агентства растягивать операцию как можно дольше.

И всё же мои отчёты показывали хорошие качества Смута. Я даже съездил к юной леди, которая считалась одной из многих жён Смута в мормонской колонии в Мексике. Она заканчивала обучение в колледже Логана (Юта).

Эта операция продолжалась месяц или два. Затем я поехал в Мехико и другие крупные города республики.

Вскоре ещё одна крупная операция привела меня в Мексиканскую республику, в штат Сакатекас.

После путешествия в дилижансе, запряжённого мулами, на семьдесят пять миль от ближайшей дороги я оказался в большом шахтёрском лагере Сомбрерте. Работа началась в окружавших его горах и закончилась через месяц. Затем я вернулся в Денвер (Колорадо).

Затем меня отправили в Маунт-Карбон – лагерь на вершине Великого континентального водораздела в штате Колорадо. Здесь, среди незнакомцев, под падающим день и ночь снегом я встретил Рождество и Новый, 1905-й год.

В полночь, накануне Нового года я имел удовольствие прогуляться в холмы по снегу в десять футов глубиной, где своим

кольтом 45-го калибра, который был моим постоянным компаньоном в молодые ковбойские годы, выкурил старый год и приветствовал новый. Одинокое празднование проходило в самом сердце природы, посреди густых, белых хлопьев снега. Разумеется, я вспомнил прошлое празднование Нового года в горах Кентукки, когда мой револьвер тоже дымился.

Следующие весну и лето я занимался короткими операциями, которые длились несколько недель или часов. Самая короткая длилась несколько часов, но не для клиентов, которые платили за работу. Чтобы объяснить, как моё агентство обманывает клиентов, я расскажу об одном деле.

В воскресенье, в 10:00 утра я вошёл в денверское почтовое отделение и узнал разыскиваемого подделывателя чеков, который входил в известную банду мошенников. Моё агентство искало этого хитрого джентльмена и в Европе, и в США. Я никогда раньше его не видел, но его фотография лежала в моём кармане.

Он получил письмо в главном окне и вышел на улицу, пытаясь оторваться от возможного преследователя. После получасовой погони я загнал его в ловушку в его комнате на Четырнадцатой улице. Затем я пошёл в аптеку на углу и позвонил управляющему, чтобы он отправил полицейского для ареста этого джентльмена. Скоро ко мне присоединились помощник управляющего и ещё один оперативник, и мне намекнули, что агентство не заинтересовано в немедленном аресте этого человека. В итоге он остался на свободе и до вечера ходил по салунам и кафе, а потом отправился в городскую тюрьму.

Обычная плата помощнику управляющего – десять долларов в день, а оперативнику – восемь долларов в день, и нет сомнений, что мы, трое сыщиков, получили плату за весь день, хотя хватило бы и пары часов. Таким образом, клиент, Ассоциация американских банкиров был обманут на более двадцати долларов.

Эта сумма кажется небольшой, но учтите, что в Национальном детективном агентстве Пинкертона больше тысячи сотрудников в США, и такой обман происходит постоянно. Судите сами, какие карманные деньги получают руководители организации.

В это время в Колорадо происходили великие политические волнения, когда республиканское законодательное собрание посадило в губернаторское кресло Джеймса Г. Пибоди, несмотря на то, что его соперник-демократ Алва Адамс получил на десять тысяч голосов больше.

Во время надвигающейся революции меня назначили телохранителем губернатора Пибоди. Я сопровождал его от дома

до капитолия штата. В один из таких переходов он едва спасся от взрыва, и весьма вероятно, что я бы отправился на небо вместе с ним.

На великом процессе Хейвуда в Бойсе (Айдахо) Гарри Орчард под присягой признался, что он и Джордж А. Петтибоун заложили бомбу на тротуаре и ждали, когда по нему пройдёт губернатор Пибоди. К бомбе была присоединена тонкая проволока, и другой её конец держал Орчард. Но перед взрывом из переулка появилась гружёная углём повозка и проехала по проволоке, выведя её из строя. Так мы спаслись от полёта на небо.

Вскоре после этого или незадолго до этого, не помню, мне дали дело о похищении миссис Шоу в Пуэбло (Колорадо). Это было дело о беспощадной вражде между демократами и Великой Старой Партией Бена Батлера и слона. Я работал против слона.

Миссис Шоу, которая была важным свидетелем для демократов, нашли в крытом фургоне возле Каньон-Сити и привезли обратно в тюрьму Пуэбло, в ту же самую, где несколько лет назад я сидел в одной камере с двумя молодыми убийцами. Я получил от миссис Шоу полное признание в том, что она была участником плана похищения, так что ей не нужно было свидетельствовать на суде.

Моя следующая крупная операция была в Розуэлле (Нью-Мексико). Я работал против Дяди Сэма на людей, которые, как мы знали, были виновны в преступлениях против США.

Когда я уезжал из Денвера, управляющий предупредил меня быть очень осторожным, поскольку публика не должна знать, что Национальное детективное агентство Пинкертона лягает правительство США. Если бы президент Рузвельт заглянул за кулисы в Розуэлле и увидел истину, то клацанье его мощных челюстей сотрясло бы Белый дом.

Я был на этом деле месяц или два. Затем меня отправили в Санта-Фе (Нью-Мексико), чтобы выполнить тайную работу для богатого коммерсанта, и это путешествие было настоящим пикником, поскольку касалось лёгкой, роскошной жизни. Но, к моему огорчению, оно продолжалось всего несколько недель.

Затем я работал над ограблением поезда в Сиэтле (Вашингтон). Чтобы получить некую информацию, я познакомился с завсегдатаями шести публичных танцевальных залов.

Из Портленда (Орегон) я поехал в местность Хорс-Хевен в восточном Орегоне, что в семидесяти пяти милях от ближайшей железной дороги в Шанико. Я поселился в Прайнвилле под именем Чарльза Т. Ллойда. Под видом торговца я покупал и продавал лошадей в этом величайшем в мире пастбище для

лошадей. Когда шесть месяцев тяжёлой скачки и выпивания виски закончились, я вернулся в портландское отделение Национального детективного агентства Пинкертона.

Здесь я снова отклонил предложение о повышении, которое прислал мистер Роберт А. Пинкертон из Нью-Йорка. Это было третье предложение такого рода, от которого я отказался, поскольку не считал своё сыщицкое образование завершённым. Я пришёл в большое агентство, чтобы посмотреть на мир и изучить человеческую природу. Если бы я хотел изучить бюрократию, коррупцию и обман, я бы согласился на место управляющего.

Глава XV. Великий процесс Хейвуда в Бойсе (Айдахо)

Из Портленда (Орегон) я поехал в Спокан (Вашингтон), оттуда в Бьютт (Монтана), затем в Бойсе (Айдахо), чтобы встретиться с мистером Джеймсом Макпарландом, главным руководителем всех отделений Национального детективного агентства Пинкертона на Западе.

По выбору Уильяма А. Пинкертона и Роберта А. Пинкертона я стал телохранителем мистера Макпарланда во время знаменитого процесса Хейвуда, Петтибоуна и Мойера. Мы знали, что Западная федерация шахтёров хочет лишить Макпарланда жизни, поэтому мы с моим старым кольтом должны были это предотвратить.

Мир знает, как Джеймс Макпарланд, благодаря которому были повешены двадцать три члена «Молли Магуайр», получил признание от Гарри Орчарда, одного из руководителей Западной федерации шахтёров, об убийстве губернатора Айдахо Стюненберга и ещё двадцати четырёх добрых человек. Это признание подтвердил Стив Адамс, другой член этого общества подрывников, но в последний момент жена и дядя Адамса вынудили его отказаться от своих слов. Последовавшие процессы хорошо известны публике, поэтому я расскажу о них кратко.

Похищение Хейвуда, Петтибоуна и Мойера в Колорадо и вывоз их в Айдахо было бумерангом, который вернулся и ударил обвинение по мягкому месту.

Национальное детективное агентство Пинкертона было причиной похищения этих трёх граждан Колорадо вне законной процедуры. Но к чему осуждать большое агентство за это действие, если публика без протестов позволяла делать такую грязную работу многие годы? Похищение людей и отправка их в тюрьму или на виселицу стало для агентства изящным искусством. В этом деле они дали маху, поскольку из всех частей света деньги бушелями потекли в Бойсе, чтобы спасти шеи этих трёх человек. Если бы это были люди без денег и влияния, никакая сила бы их не спасла, и на их дело не обратили бы внимания.

Работа обсуждалась в ближнем кругу Национального детективного агентства Пинкертона. Похищение было запланировано в полночь с субботы на воскресенье, чтобы после него люди получили выходной. Всю субботу сыщики Пинкертона следили за тремя подрывниками, чтобы знать, где они будут к воскресному утру.

Когда часы пробили 12:00, налёт начался. Мойера арестовали в поезде, который отъезжал в Южную Дакоту, в Блэк-Хиллс. Джорджа А. Петтибоуна схватили в постели с женой, а Билли Хейвуда нашли в доме миссис Голд.

Пленников посадили на поезд и поскорее отправили в столицу Айдахо.

В ожидании большого весеннего спектакля мы с мистером Макпарландом поехали в Кёр-д'Ален на процесс Стива Адамса, которого судили за совершённое там убийство. Мы поселились в Уоллесе, и я, разумеется, встретил многих старых врагов времён 1892 года. Я также посетил Джем, где происходили бунты и где меня хотели сжечь у столба в назидание другим сыщикам.

Я был постоянным компаньоном мистера Макпарланда до весны, когда в Бойсе (Айдахо) начался великий процесс Хейвуда. Хейвуда судили первым.

Глядя на Джорджа А. Петтибоуна, сидящего в клетке в Бойсе, я вспомнил, как он пытался сделать из меня анархиста, когда он был финансовым секретарём, а я секретарём-регистратором шахтёрского профсоюза в Джеме в 1891-1892 годах, и как мои показания отправили его и семнадцать его приятелей в тюрьму.

Действительность страннее вымысла. Нынешний судья Фримонт Вуд в 1892 году был обвинителем в деле Петтибоуна, а нынешний обвинитель Джеймс У. Холи шестнадцать лет назад защищал Петтибоуна.

Днём, когда шли процессы, я охранял Гарри Орчарда от возможного убийства, а Макпарланд оставался в отеле или в кабинете прокурора Холи.

По-моему, нет ни тени сомнений в том, что история Гарри Орчарда правдива от начала до конца. Множество доказательств подтверждают его показания. Я считаю, что Хейвуд обязан своей свободой Кларенсу Дарроу из Чикаго, который разжалобил присяжных.

Это дело отличалось от великого анархистского процесса в Чикаго в 1886 году. В том деле было много лжесвидетельств. Причина, несомненна, была в том, что в том анархистском процессе миллионы долларов были истрачены на то, чтобы смазать Национальное детективное агентство Пинкертона. Один человек, который сейчас оставил деловые круги Чикаго, рассказал мне, когда я занимался для него детективной работой в западном штате, что присяжные были подкуплены, чтобы повесить этих людей, и что он приложил руку к тому, чтобы с ними «договориться».

Я рассказал ему о своей связи с этим делом и о своих подозрениях о том, что присяжные были подкуплены

Национальным детективным агентством Пинкертона. В присутствии своего секретаря он сказал, что мои догадки верны, поскольку он приложил к этому руку. Я заметил, что лицо секретаря нахмурилось, как будто он не одобрял этот поступок.

Штат Айдахо не подкупал присяжных, чтобы осудить этих людей независимо от их вины, как это было в анархистском деле.

Тем не менее, Национальное детективное агентство Пинкертона, без сомнений, обмануло штат Айдахо на тысячи долларов, чтобы оплатить работу дополнительных оперативников, в которых не было нужды. Я слышал, как обсуждались эти вопросы. Это было мудро – косить сено, пока сияет солнце анархии. И всё же я не брыкался, поскольку почти год только и делал, что чистил свой старый кольт и жил в лучших отелях.

Глава XVI. Мои двадцать два года в ближнем кругу Национального детективного агентства Пинкертона заканчиваются

После того, как закончилась операция, где я охранял Макпарланда и Гарри Орчарда, я приехал в Денвер и уволился из Национального детективного агентства Пинкертона.

Тем не менее, мистер Макпарланд уговорил меня поехать на ещё одну ковбойскую операцию в бедленд Южной Дакоты. Целью моей работы было выяснить, что стало с несколькими тысячами бычков, которые паслись на равнине и исчезли, когда пришло время пересчёта. Клиентами была ассоциация скотоводов.

Зиму я провёл вдали от железнодорожных сообщений, в городах Интериор, Рапид-Сити и Уэста и в местности Уайт-Оул. Я работал с ковбоями, скотоводами, ранчерами и бандитами в городах, с индейцами и метисами в индейских резервациях Роузбуд и Пайн-Ридж.

Недавно в этом бедленде были построены две железные дороги, и я выяснил, что воры зарезали бычков и продали их строителям этих железных дорог. Несколько ковбоев и метисов заработали на этой краже большие деньги. Многих бычков съели поселенцы, которые жили на государственных землях.

Я претерпел много лишений из-за крайне холодной погоды. Много раз я ездил верхом по равнинам, когда температура опускалась до двадцати градусов ниже нуля, и дул штормовой ветер. Когда наступил март, я с радостью вернулся в Денвер и навсегда уволился из Национального детективного агентства Пинкертона.

Тогда я переехал на ранчо «Санни-Слоуп» на окраине Санта-Фе (Нью-Мексико), где самый лучший климат на земле.

За двадцать два года работы детективом я мог бы заслужить славу убийцу, если бы пожелал. Много раз я спасал свою шкуру, вытаскивая оружие раньше противника и заставляя его сдаться.

Я собирался навсегда уволиться из Национального детективного агентства Пинкертона, но скоро из Чикаго пошли настойчивые просьбы провести самостоятельную операцию за восемь долларов в день, не считая расходов.

Я согласился, и после встречи с мистером С. С. Скоттеном, Дж. Э. Снайдекером и мистером Чарльзом У. Бакли из Национальной добывающей компании в главной конторе в

«Трейд-Билдинг» (Чикаго) начал работу в пустыне Невады. На встрече также был мистер Джон Пелтон, совладелец и управляющий золотоносной шахты «Нэшнл».

Я проехал восемьдесят миль на дилижансе от ближайшей железнодорожной станции Уинненука (Невада) и оказался в растущем лагере Нэшнл у южной границы с Орегоном.

Здесь я начал жить как крутой парень из Тафвилла. Я использовал вымышленное имя Ч. Антон Каррье и скоро подружился с Гамшу Кидом, самым крутым парнем в округе. Наша дружба укрепилась выпивкой и стрельбой в городе.

Я обнаружил, что в разгорячённом городе процветают шесть танцевальных залов, которые живут за счёт обогащённой золотой руды, украденной из шахты «Нэшнл».

Лагерем, на самом деле, управляла Западная федерация шахтёров и орда похитителей руды. Они думали, что нет ничего плохого в том, чтобы воровать золотую руду, которую доброе провидение на благо всего человечества спрятало в недрах матушки-земли.

Самое смешное, что управляющий и совладелец шахты, мистер Джон Пелтон – совершенно законопослушный гражданин – сказал мне, что он не хочет, чтобы кого-то отправили в тюрьму за кражу руды у его компании. Он хотел остановить кражу, удалив воров и уничтожив банду, которая скупала краденую руду и переплавляла её в слитки для продажи на монетные дворы США.

Мистер Пелтон говорил, что его совесть не позволит ему посадить кого-то в тюрьму за то, что он сам бы сделал, будь у него такое же искушение. В глубине души я чувствовал, что он прав. Просто представьте шахтёра, за три доллара пятьдесят центов за смену добывающего руду, которая стоит тридцать-пятьдесят долларов за фунт. Пусть он украдёт один фунт за смену – кусок размером с куриное ухо, - и вы увидите, как вырастет его дневное или ночное жалованье.

Я расскажу о молодом человеке, чья палатка стояла рядом с моей. Мы с ним стали приятелями, и он признался, что за один раз вынес несколько фунтов руды в особой упряжи, которая надевается на нижнюю часть туловища. Её носят все похитители, и она может выдержать около семи фунтов.

Этот молодой человек работал на шахте «Нэшнл» только четыре месяца. Он сказал, что в первый месяц не поддавался искушению, поскольку был воспитан в христианстве, и родители учили его, что воровство – это грех. Увидев, что так много шахтёров богатеет из-за воровства, он сбился с пути истинного.

Естественно, я сообщил об этом случае, и молодого человека

уволили. Но когда я приехал в Севен Трафс – другой богатый лагерь, – он сказал, что три месяца нечестного поведения принесли ему семь тысяч долларов. Другими словами, он столько украл.

Было слишком много похожих случаев, чтобы все перечислять.

В лагере был десяток человек, которые скупали руду, вынесенную шахтёрами после смены. Они платили наличными и получали её за полцены.

В холмах было много «свалок», или фабрик, где эту руду переплавляли в слитки.

Мой приятель Гамшу Кид владел такой «свалкой», и я осмотрел его печь. Скоро у меня был доступ ко всем «свалкам», куда я приносил руду, предоставленную мне управляющим шахты. Я держал на мушке множество человек, и мы могли всех отправить в тюрьму.

Человек, которого я назову Спад, за одну смену вынес около пятнадцати фунтов руды стоимостью пятьдесят долларов за фунт. Семь фунтов были в упряжи, а остальные – один большой кусок – были привязаны к его животу. На следующее утро его живот так болел, что он был вынужден пропустить несколько смен, чтобы вылечиться. Жалованье Спада в три доллара пятьдесят центов за смену было просто мелочью по сравнению с тысячей пятьюстами долларами, которые он заработал нечестным поведением.

Через несколько месяцев мистер Джон Пелтон уволился с шахты. Его место занял мистер Г. А. Фосс, главный весовщик чикагской биржи. А инженер-строитель по имени Ф. А. Тейлор стал помощником управляющего.

Были установлены раздевалки, где шахтёры переодевались в присутствии вооружённой охраны. Разумеется, это вызвало протест и угрозы со стороны местного профсоюза шахтёров. Но Фосс и Тейлор были не робкого десятка и стояли на своём.

Даже после этих перемен шахтёров ловили с рудой. Но когда из города удалили известных воров, в нём стало скучно. Несколько танцевальных залов и большинство «свалок» закрылись.

После восьми месяцев в «Нэшнл» я уехал. Разумеется, мои приятели Гамшу Кид, Король Кактусов, «похмельные ребята» и многие другие не хотели, чтобы я уезжал, поскольку я считался одним из них.

Навскидку можно сказать, что из-за воровства Национальная добывающая компания потеряла миллион долларов в течение одного года, с тех пор, как в этой шахте нашли большое количество обогащённой руды.

Не всякому смертному выпадает провести почти четверть века в качестве сыщика во всех слоях общества, от самых низких до самых высоких. Поэтому я дам пару советов несчастным душам, не ведающим об уловках, на которые попадаются простофили.

Никогда не делайте ставок в игре с другим человеком. Если бы он не смог обыграть вас, он бы не садился за стол.

Если бы вы видели и изучили устройства, с помощью которых обыгрывают ничего не подозревающих жертв, вам бы не понадобился этот совет.

Надеюсь, придёт тот день, когда каждый штат в свободной Америке положит настоящих убийц под нож хирурга, чтобы предотвратить размножение преступников.

Когда я пишу эти строки, передо мной лежит утренняя газета. Вот одна статья из неё:

«Колумбия (Южная Каролина), 28 декабря 1914 года.

Губернатор Коул Блис амнистировал сорок четыре заключённых, включая десятерых, получивших пожизненное заключение за убийство. За прошедшие четыре года губернатор Блис освободил 1488 человек».

9 января губернатор Блис освободил ещё 1500 человек.

Даже если только небольшой процент этих людей – настоящие преступники, представьте себе новый молодняк с семенем дьявола в своём характере, который придёт в мир, чтобы мучить будущие поколения. И помните, что Южная Каролина – только один из штатов Союза.

Несомненно, что многие из этих 2988 заключённых заслужили амнистию, и многие невиновны ни в каких преступлениях.

В своей жизни я слышал о сотнях невиновных людей, пошедших в тюрьму из-за того, что у них не было денег или друзей для защиты.

Я знаю, как Национальное детективное агентство Пинкертона умеет искажать факты. Они могут легко заявить, что я не имею отношения к их организации, поэтому я публикую письмо от Джеймса Макпарланда, в то время главного руководителя всех западных контор со штаб-квартирой в Денвере (Колорадо). Это письмо написано на одно из моих вымышленных имён.

«Денвер, 5 июля 1904 года.

Чарльзу Т. Ллойду, а/я 38, Келли (Нью-Мексико).

Уважаемый сэр!

Относительно вопроса, который вы обсуждали с директорами на Востоке и потом. Мы говорили о вас здесь, в Денвере в связи с вашим назначением на место помощника управляющего, которое

скоро освободится в Спокане.

Споканская контора охватывает территорию округа Кёр-д'Ален и Бьютта (Монтана). На самом деле, весь Айдахо и всю Монтану, а также Россленд и другие города в Британской Колумбии. Как вы понимаете, Пьюджет-Саунд и северо-западный округ находится по соседству с Аляской, и Спокан – подходящее место, чтобы начать работу помощником управляющего. Вы знакомы с множеством важных владельцев шахт в округе Кёр-д'Ален и, кроме того, хорошо знаете местность.

Мистер Донахи, управляющий в Спокане – очень приятный человек. Я знаю, что вы с ним поладите. В других конторах Западного отделения ещё не скоро освободится место, и это ваш шанс.

Если вы согласны, то всё равно закончите своё нынешнее дело. Завтра вечером я уезжаю в Лос-Анджелес, где останусь на шесть-семь дней. Можете написать мне в этот город, в отель «Холленбек», согласны вы или нет. Если нет, то я назначу кого-нибудь другого до своего возвращения в Денвер, поскольку сам собираюсь в Спокан.

Всегда ваш

Дж. Макп., руководитель».

Теперь я процитирую письмо, написанное Джеймсу Макпарланду Уильямом А. Пинкертоном из Чикаго:

«Чикаго, 22 декабря 1899 года.

Джеймсу Макпарланду, помощнику главного управляющего, Денвер (Колорадо).

Ограбление поезда в Уилкоксе (Вайоминг).

Уважаемый сэр!

Я получил ваше письмо от 20-го числа на упомянутую тему.

Я обратил внимание на то, что оперативник Сиринго взял след этих людей в Бентоне и в Арканзас-Сити (Арканзас) и что оперативник Спархок вернулся домой, заболев малярией. Мне очень жаль слышать о болезни оперативника Спархока. Очевидно, его свалила болотистая местность, по которой он ехал. Боюсь, не случилось бы того же с Сиринго, хотя он крепкий, как скала. Никогда не видел человека такого роста, который мог бы выдерживать такие лишения.

У. А. Пинкертон».

В заключение хочу заявить, что слышал несколько странных историй об откровенной коррупции ради всемогущего доллара, и эта информация убеждает меня в том, что Национальное детективное агентство Пинкертона – самая коррумпированная организация века.

Сотни оперативников, несколько управляющих и их

помощников из разных контор в США с наслаждением рассказывали о своих приключениях и о работе агентства, и таким образом я добыл свои знания. Некоторые из них хорошие и совестливые, а другие лишены мужества и совести.

Один оперативник по имени Майк Конуэй жил в Чикаго, но обычно проводил отпуск в Денвере, и мы с ним стали приятелями.

Согласно рассказам Конуэя и других оперативников, он был известным преступником, который родился и вырос в Чикаго, в опасном районе на Арчер-авеню.

Один из его подельников, Майк Макшерри, который был родом из так называемого Маленького Ада в Чикаго (его жена Лилиан Фейл была известной преступницей), тоже работал оперативником в Национальном детективном агентстве Пинкертона, с 1885 года по 1889 год. Он также сидел в тюрьме. Другим известным преступником-оперативником, который работал с Конуэем и Макшерри, был Пег Хамбл.

В свой последний приезд в Денвер Майк Конуэй рассказал мне, как он заработал кучу денег во время последней операции в Хот-Спрингсе (Арканзас). Он сказал, что Уильям А. Пинкертон каждый год приезжает на скачки в Хотс-Спрингс и всегда берёт с собой его (Конуэя), чтобы работать вместе со знаменитыми преступниками, которые посещают скачки. Но он сказал, что если обчистят кого-то из друзей мистера Пинкертона или клиентов его агентства, то добычу возвращают. Её приносят ему (Конуэю), а он отдаёт её мистеру Пинкертону, который возвращает её законным владельцем.

Он сказал, что когда преступники взяли большой куш, то не захотели его отдавать, но мистер Пинкертон знал их, их фотографии украшали фотоархив агентства, поэтому он мог посадить их в тюрьму, и они вынуждены смириться.

Один из управляющих Национального детективного агентства Пинкертона – сейчас он занимает высокую должность в Чикаго – рассказал мне, что Майк Конуэй однажды показал ему шесть тысяч долларов наличными, которые он получил на скачках в Хот-Спрингсе.

Это было бы не так плохо, если бы в Национальном детективном агентстве Пинкертона работал только один Майк Конуэй, но их здесь огромное множество. Можете представить, какие у них есть возможности для воровства, если им помогают преступники и полицейские, а поддерживает их такая могущественная организация.

Если эта небольшая книга сможет пробудить публику и предотвратит отправку в тюрьму или на виселицу хотя бы одного

несчастного, я буду полностью вознаграждён.

Детективы – это необходимое зло для защиты общества, и по праву это должно быть почётным занятием, но следует сделать так, чтобы нечистоплотные люди и обезумевшие от денег организации держались от него подальше.

Вы можете подумать, что это признание сыщика-пинкертоновца, но это не так, поскольку я пошёл в великую школу пинкертонизма, чтобы изучить жизнь и описать свой опыт в форме книги.

Я заразился писательством до работы в Национальным детективном агентстве Пинкертона, поскольку я уже опубликовал одну книгу, которую ещё можно найти в магазинах, и к сегодняшнему дню были проданы сотни тысяч экземпляров. Разумеется, двадцать два года, потраченные на сбор материала для второй книги – это долгий срок, но всё же это была интересная работа.

Это моя третья книга. Вторая, которая называлась «Ковбой-детектив», появилась в магазинах два года назад, хотя её не позволяли печатать, пока я не изменю её в угоду Национальному детективному агентству Пинкертона. Высший суд Чикаго два года за большую плату связывал мне руки. Наконец мой адвокат мистер Флетчер Добинс посоветовал мне внести изменения, поскольку юрист агентства Пинкертона пригрозил, что в случае нашей победы перенесёт дело в Верховный суд США. Это задержало бы выход книги ещё на пять лет.

Я должен был многое вырезать и использовать вымышленные имена.

Например, они заставили меня изменить имя Тома Хорна, их любимого детектива, повешенного в Шайенне (Вайоминг), на Тима Корна и заставили меня написать, что он работал на частных лиц. Они не хотели, чтобы публика знала о том, что он на них работал.

Вероятно, они попытаются с помощью суда остановить публикацию и этой небольшой книги. Они могут затянуть дело в надежде, что мне на голову случайно упадёт кирпич, который выведет меня из строя.

На моей сыщицкой совести есть только одно тёмное пятно. Это моя работа против шахтёров-угольщиков, которые боролись за справедливость. Хотя я сообщал только факты, я считаю позорным, что говорил правду, зная, что правда помешает справедливости в отношении этих людей, которым плохо платят, которые рискуют своей жизнью всякий раз, когда спускаются в угольную шахту.

Кроме того, алчные корпорации – владельцы шахт

обращались с этими людьми и их семьями как с рабами.

Я знаю, что Колорадская топливно-металлургическая компания и Колорадская топливная компания Виктора буквально владели шерифами и другими судебными чиновниками в южной части штата, в городах Тринидад и Уолсенбург.

В своей сыщицкой работе я соприкасался с этими судами и законниками.

Однажды Колорадская топливно-металлургическая компания подала иск против фермеров и ранчеров за пределами округа и была вынуждена обратиться к законопослушному (?) Национальному детективному агентству Пинкертона, чтобы те помогли «договориться» с присяжными.

Моя часть позорной работы заключалась только в том, чтобы разгладить неровные места и облегчить работу другим сыщикам.

На этой операции я познакомился с президентом компании мистером Кеблером, и он рассказал мне, что его компания борется с профсоюзами, смешивая в лагерях разные национальности. Профсоюзы не могут сплотить людей из разных стран в единую массу.

Adios!

notes

Примечания

1

Бронко – полудикая лошадь.

2

Засолка шахты – добавление в бесполезную шахту золота или других драгоценных металлов с целью мошенничества.

3

Пек – мера массы, около 9 кг.